В. АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО

СТРОИТЕЛЬСТВО КРАСНОЙ АРМИИ В РЕВОЛЮЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ"
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ — МОСКВА — 1923 г.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В. АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО

СТРОИТЕЛЬСТВО КРАСНОЙ АРМИИ В РЕВОЛЮЦИИ

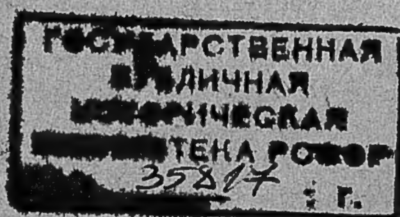

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КРАСНАЯ НОВЬ»
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ—МОСКВА, 1923 г.

5

5

2-я типография
московского союза
потребительских обществ.
Москва, Мясницкий пр., № 2.
телефон 1-54-45.

Главлит. № 6216. Печ. 10000 эк

I

Боевые революционные традиции партии и предрассудки дореволюционной эпохи. Подготовка вооруженых сил Октябрьской революции. Стратегия Октября. Отражение Краснова. Ближайшие военные задачи.

Подготовка вооруженных сил, способных поддержать устремления пролетариата, была начата нашей партией задолго до решающих октябрьских событий.

Славные боевые традиции партии, еще в первой революции 1905—1907 годов выдвигавшей лозунг подготовки вооруженного восстания и практически это восстание подготовлявшей во имя захвата власти пролетариатом, опиравшимся на деревенскую бедноту, эти традиции всегда были живы среди большевиков.

Боевой активный дух партии сказался и с первых дней империалистской войны.

Партия, в лице своей руководящей верхушки, выдвинула лозунг перевода империалистской войны в войну гражданскую, провозгласила „войну войне“, из окопов хищнической бойни звала к баррикадам классового восстания.

В вопросах милитаризма позиция партии всегда отмечалась полной определенностью.

Свободная от всяких иллюзий социал-пацифизма, партия, и в ту пору, когда даже некоторые из „циммервальдской левой“ (норвежская группа, наприм.) воздавали обильную дань этим иллюзиям, восстала (на Кинтале) против лозунгов всеобщего разоружения и т. п.

Впрочем, даже среди наиболее ответственных кругов партии, эта прозорливая ориентировка ее вождей нашла, в приложении к русской действительности, некоторое сопротивление.

В спорах вокруг знаменитых тезисов Ленина, особенно на апрельской (1917) партконференции, сказались еще живые в партии предрассудки насчет чисто демократического характера предстоящей в России революции во имя осуществления так называемых трех китов (не лишнее, впрочем, вспомнить, что неоднократно

и до того заграничный орган партии „Социал.-демократ" выдвигал ту же ограниченную платформу). Апрельская конференция высказалась определенно за пролетарскую диктатуру против демократии, за гражданскую войну против так называемого революционного оборончества и социал-соглашательства.

Но еще долго в течение всего 1917 года отрыжка предрассудков старой, дореволюционной эпохи сказывается в колебаниях некоторых групп партии в основных вопросах нашей тактики.

Все-же, апрельская конференция определила курс партии на вооруженное восстание и этот курс был энергично направлен большинством Ц. К.

Подготовка вооруженных сил для „захвата власти" повелась партией в двух направлениях—в частях старой армии для создания себе здесь вооруженного оплота, и среди рабочих—для создания классовой вооруженной силы в лице пролетарской красной гвардии.

Некоторую революционную работу в солдатских массах партия вела, конечно, еще до февральского переворота. Но лишь с возникновением в Петрограде военной организации (в апреле 17 года), эта работа стала надлежащим образом оформляться.

В средине июня на всероссийской военной конференции партии были представлены до 60 военных организаций (из них 43 фронтовых) с общим количеством до 30 тыс. солдат-большевиков.

Основная задача военной организации определена была конференцией, как создание среди „революционно-демократических элементов армии—материального вооруженного оплота для революции и поставленных ею в порядок дня требований".

Особенное значение имело отношение этой конференции к „революционному оборончеству".

Апрельская конференция осудила „революционное оборончество", как позицию, на которой империалистская буржуазия улавливает для своей империалистской политики крестьянские мелкособственнические массы, „добросовестно оборонческие" (по выражению т. Ленина).

Июньская военная конференция идет дальше, она ставит вопрос о возможности революционной наступательной войны. В резолюции, принятой по докладу Ленина:—О войне, мире и наступлении—конференция говорит:

— „Призыв к наступлению для революционной социал-демократии мог бы быть приемлем лишь тогда, когда власть перейдет в руки Советов Р. и С. Д. и когда революционная демократия открыто и недвусмысленно обратилась бы с предложением мира

ко всем воюющим странам. Это положение создало бы общее доверие рабочих всех воюющих стран друг к другу и повело бы неминуемо к восстанию пролетариата против всех империалистических правительств, которые противились бы такому миру. Только такое наступление стало бы борьбой за мир и всеобщую свободу".

На конференции было выбрано „центральное бюро военных организаций", поведшее под руководством Ц. К. энергичную работу в солдатских массах.

Агитационная работа нашей партии среди солдат отнюдь не носила „непротивленческого" характера.

Задача нашей агитации вовсе не сводилась к простому разложению прежней армии. Эта армия разлагалась неудержимо; отражавшая в своей организации структуру прежнего строя, она должна была пережить судьбу последнего. Мы „толкали падающего", но вместе с тем мы стремились новыми скрепами скрепить здоровые революционные элементы армии. Отвоеванные нами полковые комитеты становились цементирующим началом для „революционно-демократических" элементов армии. Выдвинутый нами лозунг организованного братания на фронтах проводился солдатскими комитетами, находившимися под нашим воздействием, достаточно вдумчиво и энергично для того, чтобы содействовать разложению германских империалистских войск. Германское командование вынуждено было к частой смене своих полков на северном и на западном фронтах.

Эта революционная работа среди немецких солдат была сорвана „великим наступлением", предпринятым Керенским как раз на следующий день после всероссийской демонстрации, прошедшей под „большевистскими" лозунгами.

Применение на практике резолюции военной конференции о наступлении встречало, конечно, чрезвычайные трудности.

И это особенно во второй период керенщины, когда соотношение сил как-будто вполне определилось—Корниловская авантюра была подрезана на первых шагах, не найдя поддержки среди „окопников" и встретив энергичный отпор со стороны революционных пролетариев. Судьбы были взвешены, когда полководец империалистской демократии потерпел такой жалкий крах.

И фронтовым большевикам, стоящим в близком соприкосновении с германцами, войска германского империализма представлялись более опасными для неотвратимо надвигавшейся пролетарской революции, чем различные ударные батальоны, юнкерские училища да дикая дивизия, на которых опиралась керенщина.

На происходившей в сентябре 17 года в Валках военной конференции большевиков-латышей ясно сказалось именно это настроение.

Когда я, как представитель Петрограда, сообщил конференции о положении в столице и указал на неизбежность вооруженного выступления против Временного Правительства, последовали заявления, что с Северного фронта в ближайшее время не может быть снята ни одна часть, так как иначе фронт будет оголен. „Мы имеем исключительное влияние на рядом стоящие сибирские корпуса, и если мы снимемся с позиций, то и они уйдут с них, а тогда хлынут немцы,—и революция будет под грозным ударом“.

Подобные же сомнения высказывались и Ц. К. Балтийского Флота еще в июльские дни. И с особенной отчетливостью настроения революционного оборончества (я ставлю эти одиозные слова без кавычек) сказались на II-м съезде моряков в начале октября.

К этому времени события в Петрограде назрели настолько, что взрыв восстания представлялся совершенно неминуем и победа его несомненной. А германский флот перешел в наступление и в бою с ним наш флот стал нести тяжелые потери.

Второй съезд моряков Балтфлота выпустил „к угнетенным всех стран“ воззвание, дышащее уверенностью в торжестве революции и готовностью погибнуть на страже ее. Кроме того, съездом был принят ряд мер по поднятию боеспособности флота.

Эти настроения подлинно революционного оборончества решительно преобладали в тех частях, где мы имели наиболее сильное влияние.

Эти части сохранили высокую боеспособность, и боевая роль их в первый период революции была весьма значительна.

Старая царская армия, разлагаясь, выделяла, таким образом, здоровые элементы, послужившие основой для новой, советской армии.

На ряду с борьбой за влияние в армии и работой по сплочению и революционному дисциплинированию в ней наших большевистских кадров, шла работа по созданию наших классовых боевых дружин—рабочей красной гвардии.

Начавшись еще в марте 17-го года на фабриках и заводах Выборгской стороны, это строительство вскоре развернулось не только по всему рабочему Питеру, но и по всем рабочим центрам России.

При всем разнообразии (вначале) подхода к делу, в строительстве красной гвардии были повсюду общие черты: прежде

всего; инструкторами для рабочих отрядов являлись лучшие элементы старой армии, роль которой в этом отношении крайне велика. Далее—рабочие в красную гвардию выделялись и получали оружие по отзыву фабрично-заводского комитета, при чем сохраняли свои места на заводе, а часто и не прекращали работы на нем, лишь обучались военному делу в определенные часы.

Сразу же в Петрограде наметилась тенденция к установлению всеобщего поочередного обучения военному делу рабочих с сохранением на ряду с тем оформленных боевых дружин.

Эти дружины местами были организованы под видом рабочей милиции для поддержания порядка в городе. Особенно развернулось строительство красной гвардии после корниловских дней и создания объединяющего эту работу центра. К этому времени красная гвардия получила и определенное штатное оформление. Основной боевой единицей являлся батальон (360 штыков) трехротного (трехсотенного) состава с пулеметной командой, командой связи, санитарной частью и отделом снабжения (или хозяйственным).

В Москве организация Красной Гвардии началась усиленно лишь в предоктябрьские дни, встречая серьезнейшие затруднения в недостатке оружия.

Ко времени вооруженной борьбы мы могли вывести в бой в Петрограде до 10.000 красногвардейцев, в Москве—до 3-х тысяч.

Добровольчество, милиционный характер, выборное начало— основные черты Рабочей Гвардии.

На ряду с организацией боевых сил восстания, шла серьезная стратегическая его подготовка.

Блестяще руководимая Ц. К., политическая кампания не только обеспечила за нами к началу октября решительное большинство в Петроградском совете рабочих, а затем и в совете солдатских депутатов, не только закрепила исключительное влияние партии во всех фабрично-заводских комитетах, но сплотила вокруг нашей партии, вокруг ее революционной, деловой программы и густые слои городского мещанства. В ряде районов мы овладели „Думами“ и повели в них оживленную практическую работу.

На ряду с тем, революционный Питер был надежно забронирован кольцом большевистских советов—отвоевано большинство в советах ближайших к столице городов, создано объединение советов Петроградской губернии, а затем и Северное областное объединение, охватившее и согласовавшее работу всей Финляндии, Балтфлота, Северного фронта, Новгородской, Псковской и даже Архангельской губерний.

Главные военные позиции были нами последовательно закреплены за собой: в Кронштадте, на Северном и Западном фронтах, в гарнизонах Финляндии, в Балтфлоте мы шаг за шагом завоевали решительное большинство в широких массах (это сказалось между прочим и на выборах в Учредительное Собрание). Северный и Западный фронт прикрыли Петроград со стороны Юго-Западного и Румынского фронтов, откуда можно было ожидать наступления верных Керенскому частей. Кронштадт и Балтфлот должны были явиться активной силой „переворота". Красные гарнизоны Финляндии были в состоянии не только нейтрализовать неопределенно настроенную, заранее припасенную здесь Керенским против Питера 5-ую Кавказскую казачью дивизию, но и выдвинуть значительные отряды в помощь Петрограду.

Непосредственной задачей В. Р. К. в Петрограде сознавалось прежде всего упрочение связи с революционной Финляндией, а потому особенное внимание уделено было закреплению за нами Выборгской стороны, откуда отходит в Финляндию ж. д. и близ которой расположена Петропавловская крепость со своим арсеналом. Овладение Петропавловской крепостью и ее арсеналом было выдвинуто следующей боевой задачей В. Р. К., блестяще выполненной 23-го октября (без единого выстрела, митингованием).

Вооруженное восстание мы подготовляли ко времени открытия II Всероссийского Съезда Советов, и правительство Керенского своей провокационной работой все сделало, дабы история не прошиблась датой.

Вызванный к жизни, по идее меньшевиков, мечтавших, заинтересовав рабочих и гарнизон идеей обороны Петрограда, сплотить их вокруг Временного Правительства,—В. Р. К. встал с первых дней в резкий конфликт с Военно-Окружным Штабом и с самим Временным Правительством.

В борьбе за влияние на солдатские массы, В. Р. К. добился „нейтрализации" изнутри 3-х Казачьих полков, введенных в Питер Керенским в июльские дни в защиту Временного Правительства, а также Семеновского и Преображенского гвардейских запасных полков. Через полковые комитеты и посланных, под контролем „военки" комиссаров, В. Р. К. подчинил себе остальные полки гарнизона. Когда же правительство Керенского попыталось сосредоточить к Зимнему Дворцу верные ему юнкерские училища, расположенные в окрестностях Питера, то путь этим училищам был прегражден верными нам гарнизонами Гатчины, Ораниенбаума и т. д.

В решающий день правительство Керенского могло собрать для своей защиты лишь совершенно ничтожные силы.

Но и эти силы были настолько парализованы прямо физически ощущавшейся вокруг этого правительства пустотою, что не могли противопоставить нашему нестройному натиску сколько-нибудь серьезного сопротивления.

Боевое крещение первых отрядов пролетарской армии — октябрьское восстание—дало ей легкую и решительную победу. Но эта победа была достигнута в результате длительной, всесторонней и образцово проведенной Ц. К. партии подготовки.

Более суровое испытание не замедлило. Керенскому удалось обманом повернуть на Петроград казачью дивизию ген. Краснова. Эта дивизия была малочисленна, вряд ли было 1000 коней, при ней было несколько полевых батарей и с нею действовал сильный бронепоезд.

С первых же шагов в столкновении с этим подвижным и искусным противником сказались все недочеты нашей тогдашней военной организации.

У нас не было кавалерии и полевой артиллерии. Красная гвардия оказалась неподготовленной к полевой войне. Части гарнизона не имели надежного комсостава, а потому не поддавались точному военному руководительству. Лишь бывшему начальнику ударных отрядов подполковнику Муравьеву, назначенному главнокомандующим Петроградском Военным Округом, удалось побудить офицерство к работе и организовать—к 12 ноября [1])—подобие фронта.

Но активную роль на этом фронте сыграли опять-таки отряды красной гвардии и моряков, к этому времени прибывших в числе до $1^1/_2$ тысячи из Гельсингфорса. Об их стойкость выдохся порыв красновцев. Они же были той силой, которая сломила восстание юнкеров внутри Петрограда (11 ноября).

Красновская авантюра дала нам познание наших недостатков и вызвала усиленную работу военного строительства.

Первой задачей в ней явилось овладение старым военным аппаратом. Назначенный вслед за Муравьевым Главнокомандующим Округа, я продолжал начатое им вовлечение старого комсостава в нашу военную работу и стремился побудить штаб, под нашим контролем, продолжать функционировать.

С целью контроля над окружным штабом и постепенной его чистки,—в различные его отделы был влит личный состав штаба

---

1) Везде даты по новому стилю.

В. Р. Комитета (этот штаб создался в первые дни октябрьской борьбы). При штабе создано особое совещание из верных нам военных специалистов, разрабатывавшее вопросы подготовки Петрограда к обороне (мы опасались наступления немцев) и поднятия боеспособности частей. Происходили весьма часто собрания представителей полковых комитетов, на которых обсуждали все больные вопросы армии, особенно о поднятии в частях революционной дисциплины, о борьбе с пьянством, о демобилизации, о национализации частей и т. д.

Надлежит отметить особо вопрос о национализации частей.

В связи с провозглашением права наций на самоопределение, в солдатской среде возникла мысль о выделении солдат определенной национальности в особые части. Этому мы, как общее правило, противились. Но мы вынуждены были согласиться продолжать начатое еще при Керенском выделение в особые части и отъезд на Украину украинцев. Оружие и обмундирование при этом выделялось в пропорциональном количестве. С отъезжающих бралось выраженное в резолюции их общего собрания обязательство не поднимать оружия против советской власти. Согласились мы также на выделение специальных белорусских частей, надеясь найти в них противовес польским частям, расположенным вблизи Ставки и представлявшим, под руководством реакционного офицерства, серьезную опасность.

Вопросы демобилизации были специально обсуждены на военном съезде, созванном в декабре 1917 года (под председат. *Кедрова*).

На съезде принята резолюция о необходимости „немедленно приступить к организации корпусов социалистической армии", черпая кадры из запасных частей и солдат-фронтовиков. Демобилизацию предполагалось проводить постепенно, по мере замены этими добровольческими формированиями, созданными в тылу фронтовых частей.

Для проведения кампании по набору в добровольческую социалистическую армию, съездом была выделена особая агитаторская коллегия.

Но выжидать образования новой социалистической регулярной армии не приходилось. Пред новой властью с первых дней стал ряд неотложных стратегических задач.

Надо было закрепить за собой Ставку, необходимо было помочь москвичам, начавшим борьбу с юнкерами. Жизненной потребностью для Петрограда являлось также обеспечение подвоза продовольствия из Сибири.

Для осуществления этих задач штабом В. Р. К. были направлены сводные отряды: 1) из гельсингфорсских моряков и батальона Литовского полка под общей командой т. Тер-Арутинянца—на Ставку, 2) батальон 245 Финляндского полка и дружина Питерской красной гвардии с бронеплощадкой путиловцев под общей командой компполка Потапова—в Москву и 3) батальон гельсингфорсских моряков и 17 Сибирский пехотный полк под общей командой мичмана Павлова при комиссаре Щукине—в Челябинск для защиты от Дутова.

Отряд Тер-Арутинянца Ставку занял без боя. Отряд Потапова поспел в Москву с опозданием, овладев по дороге бронепоездом Керенского, перед которым рабочие у Бологое разобрали путь.

Отряд Павлова участвовал в длительной и успешной кампании против атамана Дутова. Оренбург был занят нами 29 января н. с. 1918 г.

II

Гражданская война первого периода—борьба с Калединым, Корниловым и Украинской Радой. Испытание немецким штыком. От добровольческой армии к регулярной.

В начале декабря 1917 года новый ряд стратегических задач исключительного значения встал перед советской властью.

Обострились отношения с Украинской радой,—буржуазно-националистическим правительством.

Рада принудительным порядком украинизировала части Юго-Западного и Румынского фронтов, пыталась вывести их из подчинения нашей (в Могилеве находившейся) главной Ставки, начала поход против советов рабочих депутатов, откровенно содействовала контр-революционным элементам,—тяготевшим на Дон под крыло Каледина, пропускала через территорию Украины на Дон вооруженные казачьи части, отряды ударников и юнкеров, не приняла никаких мер к задержанию бежавших из Быхова генералов Корнилова и Деникина.

В то же время донской атаман Каледин откровенно готовился к контр-революционному выступлению, группируя вокруг себя верных ему донцов и покровительствуя контр-революционному „Союзу Освобождения Родины“, который в ту пору усиленно вербовал добровольцев во многих гор. России среди офицерства, юнкеров, гимназистов.

Добровольческие батальоны генерала Алексеева совместно с казачьими отрядами Каледина в начале декабря подавили дви-

жение рабочих в Ростове на Дону, а затем выдвинулись и вглубь Донецкого бассейна, срывая строительство советской власти и всякую хозяйственную работу в рудничном районе.

В начале декабря Украинской Раде был послан из Главной Ставки ультиматум и, ввиду уклончивого ответа, затеяны были переговоры, тянувшиеся целый месяц.

Одновременно в Харькове обосновался мой штаб, штаб главнокомандующего по борьбе с контр-революцией.

Преподанная ему директива вначале гласила, – ограничившись наблюдением в сторону Украины, очистить Донбасс от контр-революционных банд и уничтожить контр-революционные силы на Дону.

Первой стратегической задачей советского командования являлось прервать сообщение Дона с фронтом, прекратить приток на Дон военного снаряжения и вооруженных частей. Эта задача была выполнена к концу декабря, когда Южная желдор. магистраль от Харькова до Александровска была очищена от гайдамацких и казачьих частей и надежно обеспечена за нами.

Одновременно происходило продвижение красных войск в Донецкий бассейн и вооружение красной гвардии рудников. Сопротивление, оказанное украинизированными воинскими частями на путях в горный район, было легко сломлено. Но закрепиться в Донецким бассейне советским войскам удалось лишь к началу нового года, когда прибывшими сильными подкреплениями было сломлено упорное сопротивление казачьих отрядов.

По плану главного советского командования, сосредоточение войск должно было закончиться к 23 января, после чего должно было начаться наступление к Новочеркасску и Ростову из Донбаса и Воронежского района и к Батайску (чтобы отрезать добровольческую армию от Кубани)—со стороны Тихорецкой и Торговой—пункты группировки так наз. Юго-Восточной Армии, возникшей из осколков Кав. фронта по инициативе Царицынских товарищей [1]).

[1]) Генерал Деникин в своей работе: „Очерки русской смуты“ прав, когда усматривает в тогдашних действиях красных войск следующий „определенный стратегически-политический план“—„разъединить Украину и Дон путем захвата железнодорожных узлов и линий и тем пресечь связь между ними и снабжение Дона; затем одновременным наступлением захватить административные центры новообразований—Киев и Ростов (Новочеркасск).

В частности против Дона, который кроме своего военно-политического значения, имел и огромное экономическое, преграждая пути к хлебу, углю и нефти,—наступление должно было вестись концентрически со стороны Харькова, Воронежа, Царицына и Тихорецкой (Ставрополь)“ (т. 2, стр. 211). Но Деникин весьма ошибается, когда усматривает в выработке этого плана и в руководстве его проведением „руку старой ставки“.

Начало этого решительного наступления совпало со временем восстания некоторых казачьих частей против Каледина. 21 января в станице Каменской состоялся созванный Донецким Ревкомом (образован две недели до того в Воронеже) съезд фронтового казачества, который провозгласил войну Каледину. Каледин в ответ повел энергичное наступление на Каменскую. Только при поддержке советских войск из Донбасса, войска казачьего Ревкома сломили это сопротивление и 25-го февраля заняли Новочеркасск. За день до того другой нашей колонной, преодолевшей довольно серьезное сопротивление корниловцев и страшную распутицу, был занят Ростов. Батайск был взят частями Юго-Восточной армии еще к середине февраля.

Однако, благодаря недисциплинированности одного из полков нашей Юго-Вост. армии, основному ядру корниловцев удалось ускользнуть из кольца к станице Мечетинской и т. д. Главари Донской контр-революции с небольшими силами бежали в Сальский округ.

Уже в этих испытаниях сказались сильные и слабые стороны тогдашней нашей военной организации. В штабе главного командования были налицо все основные отделы нынешнего Реввоенсовета армии, в том числе и политотдел. Для осведомления советских солдат издавалась специальная военно-политическая газета.

Но отношения с гражданскими властями были совершенно не урегулированы, и поэтому происходили постоянные столкновения. Не было и должного контакта с партийными организациями, которые, впрочем, страдали изрядной соглашательской заразой (в ревкомах заседали вместе с меньшевиками и эсерами, не решались на определенную классовую политику по отношению к предпринимателям и т. д.). Несмотря на все усилия главного командования, наладить централизованное продовольственное снабжение войск в должной мере не удавалось, и приходилось иногда прибегать к реквизициям, разлагавшим части, обострявшим отношения с местными жителями.

В распоряжении главного командования постепенно собрались значительные силы—это были, прежде всего, сборные отряды, сформированные из добровольцев—солдат „гарнизонов Новгородской, Псковской и Петроградской губерний, а впоследствии и из гарнизонов Московского Военного Округа.

Это были затем—отряды красной гвардии Харькова, Донецкого бассейна и отчасти Екатеринослава, и особенно Петрограда и Москвы.

Наконец,—регулярные части с Северного, Западного и Кавказского фронтов.

Весьма разношерстная армия, основанная в отдельных своих частях на совершенно различных организационных принципах.

Сводные отряды в значительной части оказались небоеспособными, дали (особенно москокруга) большой процент дезертиров и ослушаний. Отряды красной гвардии обнаружили, в общем, слабую выносливость, плохую маневренную способность (имело значение еще и отсутствие обозов), но значительную моральную стойкость. Решающим моментом в борьбе явилось появление на путях к Ростову закаленных фронтовых частей. Правда, значительная доля снятых с фронтов на Дон частей распалась по дороге или дезертировала уже на новом фронте. Но действия 4-го Латышского полка, поддержанного 11 Сибирским, 4-й Кавалерийской дивизией, 5-й Сибирской Артбригадой были, несмотря на слабый боевой состав, настолько решительны, что создали определенный перелом в борьбе с добровольцами-корниловцами.

На Украине власть Центральной Рады была свергнута восстанием рабочих, поддержанных сформированными, при нашем содействии, украинскими красными войсками, а также отрядами Московской красной гвардии и фронтовыми частями.

Еще в декабре в Харькове начал работу Ц. И. К. Советов Украины. 19 января из Харькова и Лозовой началось, под общим командованием Муравьева, наступление к Полтаве, которая была занята к вечеру того же дня. Гайдамацкие части и украинизированные полки не оказывали серьезного сопротивления советским войскам. Значительные бои произошли лишь у ст. Круты-Бахмач и в самом Киеве, где офицерско-юнкерские банды дрались с большим ожесточением. Киев был занят Красными войсками 29 января.

Черты, отмеченные мной выше, при характеристике действий нашей Донецкой группы, относятся и к Украинской группе войск и к ее командованию еще, пожалуй, в большей мере.

В феврале 18-го года начались для наших импровизированных войск испытания особенно жестокие—испытания немецким штыком.

Всем памятен ход наших переговоров с немцами в Брест-Литовске. Немцы неожиданно нарушили заключенное с нами перемирие и начали наступление широким фронтом, угрожая Петрограду, Смоленску.

Отряды красной гвардии Москвы, Питера бросились с Дона и Украины на подмогу „своим". И немцы легко преодолевали наше нестойкое сопротивление.

Между тем украинской Центральной Раде удалось 6-го февраля заключить мирный договор с Германией и Австрией. Во исполнение этого договора, немцы 18-го февр. начали продвижение вглубь Украины.

Одновременно Румынское правительство попыталось захватить Одессу, но 23 февраля под Рыбницей румынские войска понесли жестокое поражение от наших отрядов (Одесской гвардии и частей румынского фронта) и угомонились, по договору обещая через два месяца очистить Бессарабию.

3-го марта Советской Россией был подписан в Брест-Литовске мир с Германией. Вскоре была объявлена всеобщая демобилизация. Все фронтовые части, двинутые нами на Дон и на Украину, потянулись демобилизовываться.

И планомерному наступлению германо-австрийских войск, с которыми двигалась вдоль побережья Черного моря и офицерская бригада полк. Дроздовского, советские правительства Украины и Донбасса могли противопоставить лишь жалкие осколки наспех сорганизованных добровольческих отрядов.

А чехо-словацкий корпус, отходивший с юго-западного фронта, отказался драться бок-о-бок с „большевиками" против немцев, вероломно покинул позицию под Бахмачем и потребовал своего пропуска из Украины. Этот пропуск был нами чехо-словакам предоставлен на условии сдачи большой части оружия, что чехо-словацким командованием выполнено было лишь в ничтожной части.

Попытки штатных формирований, предпринятые в Донбассе (Центроштабом) и в Харькове (Наркомвоен Донецкой Республики), не успели дать сколько-нибудь серьезных результатов—не было обученных кадров. Мобилизация нескольких возрастов, объявленная в Полтаве Народным Секретариатом Украины, провалилась из-за полного отсутствия на местах военно-административного аппарата.

Сколько-нибудь серьезное сопротивление было оказано немцам лишь под Харьковом, Барвенково, Сватово, Луганском и Таганрогом. 7-го апреля пал Харьков. 9-го мая немцы вступили в Ростов.

По мере продвижения своих войск немецкое командование устанавливало демаркационную линию с Советской Россией, умело обеспечивая этим левый фланг своего наступления.

В виду мира, заключенного с немцами, правительство Советской России должно было потребовать от украинских советских войск, переходящих демаркационную линию или предположенную границу, сложения оружия. Такое разоружение было предписано украинским войскам особым приказом их главного командования и выполнялось, конечно, чисто формально.

Наше отступление с Украины производилось непланомерно, под непрестанным натиском немецких регулярных частей и под ударами восставших в тылу донских казаков. Лишь сравнительно незначительная часть советских отрядов, исполняя приказ главного комадования, отошла в Воронежском направлении, большая часть прорвалась через Донобласть в Царицын или через Ростов на Кубань.

Здесь в сочетании с местными формированиями и частями (участок Валуйки—Воронеж) так называемой «завесы», эти украинские отряды создали ядро армий будущего южного фронта.

Жестокий урок, преподанный нам немцами на Украине и на Северном, Западном фронтах, был немедленно учтен советским правительством.

Уже 28 января 18 года был подписан разработанный коллегией Наркомвоен декрет о создании на добровольных основаниях социалистической армии (Декрет издан 23 февраля).

„Всероссийская коллегия по организации и управлению рабоче-крестьянской красной армии“ приступила весьма энергично к созданию штатных войсковых единиц. Ее „Организационно-агитационный отдел“ развил широкую вербовочную деятельность, опирался он на военные отделы местных советов и на войсковые комитеты.

Но в этот период не было еще выработано точных положений ни о самых военных отделах, ни о их работе, не было и строгих штатов для формирования. Чувствовался сильный недостаток на местах в инструкторах и агитаторах. С целью их подготовки была налажена сеть специальных курсов (к концу 18 года их было 16). Одновременно издавалась специальная литература; так издано 450 тысяч экземпляров воззвания Орг-агит-отдела к населению о добровольной записи в армию.

Для подготовки красного военного командования началос (с февраля 18 г.) строительство курсов командного состава.

Деятельность вербовочного аппарата была довольно успешна—так в Питере к 25-му февралю было записавшихся в красную армию 5.500 человек, а к 1-му апреля уже 25.000. По Московской губернии к 20-му апреля было записано свыше 19 ты-

сяч человек. В общем за два с половиной месяца вербовка дала до 106 тысяч добровольцев.

Но мы лишь обстоятельствами были вынуждены прибегнуть к созданию армии на добровольческих началах. Приходилось считаться с сильнейшей усталостью от войны рабочих и крестьянских масс, необходимо было разделаться с демобилизацией старой армии. Невозможно было, при отсутствии твердого военно-административного аппарата на местах, успешно строить регулярную армию.

Но предоставлять оборону революции капризу стихии добровольчества, ставить эту оборону в зависимость от такой неопределенной и неподдающейся учету величины, было бы по существу глубоко неправильным.

И мы лишь временно мирились с добровольческим принципом строительства вооруженных сил, в то же время деятельно подготовляя переход к регулярной армии.

8-го апреля 18 года был издан декрет об учреждении местных комиссариатов по военным делам „для проведения в жизнь мероприятий по учету годного к военной службе населения, к его призыву, к формированию вооруженной силы Российской Советской Республики, обучению поголовно всех рабочих и не эксплоатирующих чужого труда крестьян военному делу, управлению войсками, предназначенными для обслуживания местных нужд, и удовлетворению материальных потребностей военного снабжения“.

Этим декретом положено действительное начало регулярной красной армии на основе военной повинности трудящихся классов и всеобщего военного их обучения.

Одновременно „для согласования и объединения деятельности военных комиссаров и установления военного контроля над ними во всероссийском масштабе“, создано „Всероссийское Бюро Военных Комиссаров“.

29 апреля и 29 мая 18-го года последовали декреты ВЦИК о порядке замещения военных должностей в красной армии, о всеобщем военном обучении и о первом наборе.

А 9 июля 18 года V С‘езд Советов одобрил все эти начинания и торжественно подтвердил „долг каждого и честного и здорового гражданина в возрасте от 18 до 40 лет, по первому зову Советской Республики стать на ее защиту от внешних и внутренних врагов“. Для буржуазных—нетрудовых элементов съезд установил обязанность отбывать службу в тыловом ополчении на принудительных работах.

В той же резолюции съезд требует от местных учреждений строгого подчинения в деле военного строительства Всероссийскому главному штабу. Особым пунктом резолюция отмечает необходимость широкого привлечения в армию военных специалистов и определяет, как основную обязанность военных комиссаров,—блюсти тесную и нерушимую „связь красной армии с рабочим и крестьянским режимом в целом“.

Резолюция заканчивается признанием необходимости в кратчайший срок произвести мобилизацию нескольких возрастов и в следующих выражениях определяет революционно-оборонческую роль красной армии:

„Окруженная со всех сторон врагами, лицом к лицу с контрреволюцией, опирающейся на иноземных наемников, Советская Республика создаст крепкую армию, которая охранит рабочую и крестьянскую власть до того часа, как восставший европейский мировой рабочий класс нанесет смертельный удар милитаризму и создаст условия мирного и братского сотрудничества всех народов“.

V Съезд Советов заседал уже в разгар чехо-словацкого восстания на Волге, вновь подтвердившего всю несостоятельность наших прежних военных формирований. Чехо-словацкий корпус, вряд ли превышавший численностью 40.000 чел. (а в момент наибольшего развития 50 тыс.), разбросанных небольшими отрядами на громадном протяжении железнодорожных линий от Пензы—Самары—Челябинска до Иркутска,—сумел оторвать от нас огромный район, прикрыть формированье целых белогвардейских армий (Колчака), обеспечить на довольно длительный срок существование белогвардейских правительств. Лишь неорганизованностью наших сил и полной несогласованностью действий различных наших партизанских отрядов объясняются эти успехи чехо-словаков. К середине июля 18 года чехи, совместно с белогвардейцами, заняли всю Сибирскую дорогу до Иркутска, а к августу захватили среднее течение Волги с Самарой, Симбирском, Казанью.

Несостоятельность наша обнаружилась и в отношении затеянного высшим военным советом (военный руководитель М. Д. Бонч-Бруевич) широкого плана формирования штатных дивизий. По этому характерному плану все формирования должны были вестись в три очереди—внеочередные дивизии в Западной прифронтовой полосе, дивизии первой очереди—в Центральной России и второй очереди—на Поволожьи. Но, благодаря исключительно тяжким условиям материального снабжения (особенно

продовольственного) в Западной пограничной полосе, крайне истощенной за время войны, из этой затеи внеочередных формирований в голодном краю почти ничего не вышло—удалось лишь собрать небольшие кадры командного состава, которые впоследствии послужили ядром для нескольких дивизий, созданных на Поволожьи (Нижний Новгород) и в Средней России, дивизий не проявивших особенной боевой устойчивости, а иногда (как II Нижегородская) оказавшихся политически ненадежными (II дивизия сдалась без боя Краснову). Гораздо более боевой устойчивости и революционной надежности выявили формирования, сложившиеся после основательной чистки из осколков различных партизанских отрядов, вышедших из Украины или возникших наново на Поволжьи в борьбе с чешскими и эсеровскими войсками. Они послужили основой почти всех дивизий наших Восточного и Южного фронтов.

Перерождение бунтарского партизанства в регулярную красную армию было, конечно, крайне болезненным процессом. На ряду с отчетливой выдержанной работой влитых в сборные части коммунистических ячеек и коммунистов комиссаров, шла беспощадная чистка от всяких недисциплинированных элементов. Суровыми мерами водворялась революционная дисциплина. Но все эти меры, вся эта работа могла дать решительные результаты в искоренении анархо-распущенности, в преобразовании разрозненных „самостийничающих“ отрядов в регулярную, централизованную, проникнутую государственным духом армию—лишь после того, как удалось наладить централизованное военное руководство и централизованный аппарат военного снабжения.

III

Второй период гражданской войны—Колчак, Деникин, Юденич, Белая Польша, Врангель.

Необходимость в централизации руководства нашими военными операциями дала себя чувствовать с особенной отчетливостью со второй половины 18 года, когда выяснились силы и замыслы наших первоочередных врагов и вся недостаточность наших сил. Уже в сентябре 18 года прежней двойственности главного командования (военрук М. Д. Бонч-Бруевич ведал операциями „регулярных войск“ завесы, Оперативный Отдел с т. Араловым ведал, или скорее сообщал сведения об операциях на внутреннем фронте) был положен конец. Был создан Реввоенсовет

Республики, и главнокомандующим всеми вооруженными ее силами назначен Вацетис. Сразу поведена решительная борьба со всяческой военной самостийностью. Все военные силы и все военное снаряжение государства взяты на учет, и главному командованию предоставлена возможность полного ими распоряжения. Особенно много хлопот дала борьба за принцип штатных формирований. Разработаны были штаты строевых единиц (по правде говоря, чрезвычайно громоздкие и несоответственные ни с нашим рессурсами, ни маневренному характеру нашей войны) и местам было предписано строго придерживаться этих штатов.

Эта работа по упорядочению военного строительства шла, подталкиваемая неумолчным грохотом торопящихся военных событий.

Август 18 года—Советская Россия в тесном кольце. Солдаты германского империализма прочно держат демаркационную линию, отсекающую от России все западные „окраины". Под защитой германских штыков, здесь спешно формируются белогвардейские банды в защиту „собственности и порядка". Украина и Донбасс оккупированы немецкими войсками; военно-помещичья диктатура, возглавленная немецким ставленником—гетманом Скоропадским, укрепляется, спешно формируя регулярную армию (заложено до 10 корпусов), но оккупантам уже трудно бороться с разгорающимся крестьянским повстаньем. На Дону генерал *Краснов*, сформировав при помощи германцев почти стотысячную армию, ведет наступление на Царицын, готовится к походу на Воронеж.

На Кубани и Северном Кавказе заботливо вскармливается Антантой добровольческая армия Деникина. Она уже вытесняет наши войска с юго-востока, угрожает Екатеринодару, Ставрополю. Грузинские меньшевики осуществляют демократический рай под покровительством штыков германского империализма. Азербейджан объявляет себя независимым, будучи захвачен турками.

Среднее течение Волги с городами Самарой, Сызранью, Симбирском, Казанью—в руках наемников Антанты—чехо-словаков. Под прикрытием их штыков картонное правительство эсеровской демократии пытается создать подобие армии, и уже отдельные офицерско-кулацкие банды „учредиловцев" начинают активно действовать и не только в виде карательных экспедиций в непокорные деревни. „Учредиловское" правительство—в союзе с Уральской и Астраханской казачьей радой.

Плотная черная полоса вдоль Волги отсекает от Советской России Советский Туркестан.

Урал, кроме Пермского района—под пятой чехо-славаков и эсеро-офицерских дружин.

А в Сибири—второе издание эсеро-кадетской коалиции—Директория, где вожди эсеров блудливо сочетаются с монархистским генералом Болдыревым, и где назревает уже вполне откровенная военная диктатура Колчака. Во Владивостоке накапливаются японцы.

Архангельск, Мурманск заняты англо-американским дессантом, под прикрытием которого, третье по счету, складывается тоже демократическое правительство с.-р. Чайковского. В Финляндии рабочее восстание окончательно раздавлено буржуазной гвардией, поддержанной германскими войсками генерала Маннергейма.

И, исполняя задачу соединения беломорского и урало-приволжского белых фронтов, эсеро-учредиловцы организуют офицерско-юнкерские восстания в двух десятках пунктов Иваново-Вознесенского, Ярославского, Костромского районов.

Регулярные армии английско-американского, германского империализма, чехо-словацкий корпус, импровизированные армии царских генералов Деникина, Краснова, партизанские отряды эсеровских „демократов", ударные дружины белогвардейских боевиков—таковы пестрого состава, весьма различной боевой годности, враждебные нам силы.

И мы в состоянии им вначале противопоставить лишь бесформенную массу сотен и сотен мелких отрядов, бесконечно грозных наименований („Отряд Молния", „Мститель", „Железный Отряд" и т. д., и т. п.) и, в большинстве, крайне нестойких, недисциплинированных, меж собою несвязанных. Иные из этих отрядов преисполнены революционного энтузиазма, способны на величайшие подвиги, но все их боевые достижения пропадают безрезультатно, неподдержанные планомерным взаимодействием соседних воинских частей.

Но уже в этих отрядах кипит громадная организационная работа. В то время, как вдоль западной границы попытки создания внеочередных дивизий не дают результата из-за материальных условий, в то время как там заседают „штабы без армий",—в нейтральной пограничной зоне Украины, из партизанских отрядов, выбитых с родины немецким штыком, оформляются регулярные воинские единицы. Противо-красновский фронт—от Лисок до Царицына—удерживается уже более или менее оформленными частями. В степях Кубани и Ставрополя агонизируют, уничтожаемые тифом и добиваемые деникинцами, не успев оформиться, многочисленные отряды красных партизан XI и XII армий. Но отдельные эпизоды свидетельствуют о прекрасном боевом мате-

риале, каковым являются те же партизанские отряды при надлежащем военном руководстве (Достаточно напомнить героический поход т. наз. „Таманской Армии").

Против эсеро-учредиловских банд и чехо-словацких войск из осколков Волжской партизанщины и новых пополнений уже складываются закаленные надежные дивизии 1-й армии. Большая неоформленность и в нашей уральской армии, но и там кипит организационная работа.

Объявлена мобилизация нескольких возрастов. Коммунистическая партия вливает тысячи своих членов в нестойкие части, и в несколько недель вырастает грозная сила подлинной красной регулярной армии.

Ее тактика долгое еще время страдает влияниями традиций империалистской войны— скованностью маневра, стремленьем держать непрерывный фронт („чувствовать локтем соседа") и т. д. Ее техника—архи-несовершенна. При сильной и более или менее обученной пехоте, она слаба кавалерией и артиллерией. Однако весьма любит „артиллерийскую подготовку", в которой, порою, сводит все боевые действия, как это было при осаде захваченного белыми Ярославля.

Но и противник, в лице импровизированных армий царских генералов и партизанских бело-эсеровских отрядов, не представляет особенно внушительной силы. Его превосходство—в хороших кадрах, в умелом руководстве. Он обучает наши неуклюжие (вначале) войска своими налетами, смелыми маневрами. Но этими часто удачными налетами он не может добиться решительных результатов. Когда же он пытается закрепить позиции, пытается удержать пространство, то начинает терять инициативу, не может противостать нашему массовому напору. Он отказывается от „партизанщины", пытается сложить массовую армию, прибегает к мобилизациям, принудительно вгоняет десятки тысяч крестьян в свои кадровые части. Но тут-то и начинают действовать неотвратимые законы классовой борьбы,—армия, сколоченная из социально - противоположных элементов, неизбежно, в раскаленной атмосфере гражданской войны, расслаивается при первых серьезных ударах.

Самарские бело-учредиловцы пытались, под прикрытием чешских штыков, создать на основе мобилизации армию. Но армии не получилось—крестьяне-середняки в нее не пошли, даже под угрозой офицерско-юнкерских карательных отрядов. Никакого серьезного отпора не смогло противопоставить нашему наступлению в сентябре 18 года эсеровское правительсво, и Волга вскоре вновь стала „честной советской рекой".

Но мы отвлечены к югу яростным натиском Краснова. Под ударами его лихой конницы наш фронт не выдерживает. Наспех сколоченные, едва-едва оформленные части бросаем мы в бой. Положение Советской Республики представляется еще столь непрочным, и еще настолько не окрепли боевые традиции в красной армии, что командный состав из белого офицерства, в значительной части, предательствует—губит целые дивизии (XI дивизию, например). Недисциплинированность еще не изживших духа анархо-партизанщины наших других частей, отсутствие твердого централизованного армейского управления—и, в силу ряда этих и подобных причин, мы сдаем почти по всему фронту (но стойко держится Красный Царицын).

Обстановка внезапно меняется. В то время, как Колчак, покровительствуемый Антантой, совершает переворот в Омске, сбрасывая ставшую ненужной эсеро-учредиловскую завесу и провозглашая себя верховным правителем, в это время революционный шквал вырастает в срединной Европе, старый трон Гогенцоллернов рушится; оккупационные германо-австрийские войска неудержимо тянут на родину, и вслед за ними широким фронтом наши красные части начинают продвигаться к прежней государственной границе, и украинские советские дивизии, сложившиеся в „нейтральной зоне", начинают теснить гетманские „корпуса". Антанта спохватывается, она стремится заместить германские войска на Украине своими войсками. Генерал Пуль разрабатывает вместе с Деникиным план наступления вглубь Украины и России. В Николаеве и Херсоне высаживается греческая дивизия, в Одессе—французская дивизия и сенегальцы бок-о-бок с добровольцами. Но стремительное наступление красных украинских войск срывает эти планы. Греческий и французский дессанты сброшены в море (апрель—май 19 г.).

Украина очищена. Советские войска подошли к границам Галиции, занятой остатками петлюровских банд, стиснутых единовременным наступлением с запада польского корпуса Галлера. Там за Галицией, крестьянство которой призывает нас на помощь против польских панов,—невдалеке Венгрия, только что поднявшая знамена советской власти. Венгрия, которой угрожает боярская Румыния и буржуазно-империалистская, с молодым хищным аппетитом, Чехо-Словакия.

В Бессарабии назревает крестьянское восстание против румынских захватчиков. Болгария, обездоленная в войне, готова вцепиться в Румынию.

Советское Украинское правительство предъявляет ультиматум Румынии, требуя очищения Бессарабии и Буковины. Наши войска готовятся к походу на Бухарест. Лихорадочно формируются нами из бывших военнопленных венгерские советские части, чтобы бросить их чрез Галицию на соединение с горцами Карпат в помощь Советской Венгрии.

К этому времени Белый Дон как будто агонизировал—красное полукольцо сжималось вокруг Ростов—Новочеркасска; в последних числах марта мы достигли линий нижнего Дона и Маныча, и наша конница прорывалась почти к самому Батайску.

Но выступает на сцену Колчак с почти трехсоттысячной армией, набранной принудительно из сибирских крестьян, поддержанной англо-американской техникой. В середине марта начинает он стремительное наступление и через месяц уже овладевает всем Уралом, вновь угрожает Волге. В то же время, отремонтированная за счет „Антанты“, из Кубани выдвигается крепкая кадрами и техникой армия Деникина.

Успехи Колчака недолгие. К концу апреля его наступление уже выдохлось, инициатива переходит к нам. Искусно маневрируя, наша армия прорывает неприятельский центр, отбрасывает к юго-востоку значительные силы Колчака. Происходит неизбежное. Мобилизованные крестьяне поворачивают оружие против монархического начальства. Восточный фронт перестает нам сулить угрозу. В июле противник сброшен с Уральских гор в Сибирские равнины. Другая группа постепенно ликвидируется нами в Туркестанском направлении.

Но поистине грозное положение складывается для нас на юге. С середины апреля Деникин, справившись с нашей конницей, угрожавшей Ростову (из-за Маныча), неудержимо наступает к Царицыну и одновременно сильными ударами начинает теснить нас из Донбасса.

Успехи Деникина заставляют отказаться от попыток помочь Советской Венгрии, содействуют разложению некоторых частей повстанческой крестьянской армии Советской Украины. Григорьевское восстание сковывает на целый месяц боевую иницативу украинской армии и лишает ее возможности оказать существенную поддержку нашему Южному фронту.

Военно-советский аппарат на Украине слишком слаб, чтобы провести удачно реорганизацию частей на основе военной повинности советскому государству.

Наступает тяжелейший период всей гражданской войны. Колчак еще не добит, а добровольческая армия развивает стре-

мительное наступление и одновременно Петрограду угрожают бело-финны и бело-эсты. А английская эскадра пытается прорваться в Капорский залив.

Кульминационных успехов достигает Деникин к середине октября, когда овладевает Орлом, а его конница, произведя удачный рейд по нашим тылам, захватывает Воронеж, на Украине же добровольцы, владея Киевом, Черниговым, угрожают Гомелю, на востоке, выдвинувшись из Царицына, нацеливаются в тыл наших восточных армий.

Но фронт слишком растянут для армии Деникина; ее кадры слишком жидки, чтобы справиться с десятками тысяч принудительно мобилизуемых крестьян. Его политика слишком антикрестьянская, чтобы привлечь доверие крестьян. В тылу у него—грабеж, анархия, спекуляция, попытки полной реставрации царского строя. В рядах его армии—крутой антагонизм меж добровольцами и казаками. Первые - за „единую“, „неделимую“ Россию, вторые—за казачью автономию.

Колчак был силен в малых, партизанских отрядах. Мобилизация его сгубила. Деникин казался непобедим в малой войне. Мобилизация крестьянства заглушила его кадры.

Между тем, под угрозой генеральского нашествия, советская страна выявляет кипучую энергию. В несколько недель, в противовес казачьим дивизиям Мамонтова-Шкуро, вырастают из незначительных отрядов Буденного, Миронова сильные конные армии. Их появление на фронте знаменует начало Деникинского конца.

Наше командование—на высоте задачи. Вначале было размахнувшееся на широкий замысел глубочайшего (от Камышина через Царицын и т. д.) обхода, захвата в кольцо вражеских армий,—оно во время спохватывается—ограничивается закреплением за нами Камышина, перебрасывает главные наши конные массы к Воронежу, сосредоточивает ударный кулак и с другой стороны вражьего клина,—от Брянска к Кромам.

Комбинированным ударом по сторонам вражьего клина наша армия срезает этот клин, конницей Буденного выходит в тыл центральной Деникинской группе и, продолжая угрожать ее тылам в направлении на Касторную—Валуйки—Харьков, заставляет деникинцев откатываться.

Перелом достигнут. Путь от Орла до Новороссийска оказался для Деникинской армии много короче, чем путь от Кубани к Орлу. Не спасла Деникина и смелая попытка Юденича овладеть Петроградом. 11 октября Юденич начал, по прямому требованью

Антанты, наступление. К 20-му октября он отбросил наши части на последние позиции перед Петроградом, к Пулкову. Но тут и наступил перелом. С 21 октября началось наше контр-наступление, и к 14 ноября армия Юденича была ликвидирована—мы вновь подошли к эстонской границе.

Наступает, как-будто, длительная передышка. Северный фронт ликвидирован. Покинутый англичанами, Архангельск к концу февраля 20 г. вновь советский город. Колчак исходит последней кровью под ударами красных партизан.

Остатки деникинцев перебираются из Новороссийска и Грузии в Крым, здесь накапливаются, переформировываются под прикрытием довольно слабого заслона (ген. Слащева) у Перекопа—Сиваша.

Кажется, можно передохнуть. Сменить винтовку на молот.

Целый ряд армий мы переводим на трудовое положение, всерьез поговариваем о переходе к милиционной системе военного строительства.

Но внезапно обостряются отношения с Польшей, начинается наступление белополяков (с 25 апреля 20 г.).

Перепитии этой борьбы на свежей памяти у всех нас. Был момент, когда головокружительные перспективы раскрывались перед нами—Варшава под красным знаменем, советская власть в Польше; революционная Германия поголовно встает против Версальского пленения; вся срединная Европа становится под знамена советской власти, Красный фронт по Рейну—„последний решительный бой“.

Отрезвление было жестоким. Наша генеральная вылазка из осажденного лагеря не удалась. Политические и военно-стратегические ошибки, совершенные нами тогда, ныне очевидны. Мы переоценили разложение польской армии, переоценили и революционную готовность польского пролетариата и не учли возможности национального подъема широких польских, преимущественно крестьянских, масс. Мне лично представляется, что основной из военных ошибок являлось (о чем я в самом начале июня и заявлял члену Р. В. С. Р. тов. Данишевскому) сосредоточение конной армии Буденного не на Смоленско—Седлецком направлении, кратчайшем для Варшавы, а на Украине против Киевской группы противника. Армия Буденного взамен слабого корпуса Гая—это в громадной степени меняло обстановку. Но и самое использование конницы Буденного представляется чрезвычайно ошибочным. Благодаря неумелому ее использованию (на путях в укрепленный район Львова), она истрепалась до того, что в самый решительный момент оказалась небоеспособной и была от-

ведена в резерв. Второй громадной ошибкой явилось крайнее ослабление нами центра нашего продвижения за счет правофланговых армий. В центре мы имели, подходя к Варшаве, лишь слабую Мозырскую группу, а основные силы направили в обход Варшавы меж немецкой границей и Вислой. Противник великолепно учел наши ошибки. Сосредоточив сильную группу в районе Ивангорода, он прорвал наш центр и вышел в тыл нашему правому флангу, неосмотрительно брошенному вперед.

Много еще более или менее важных наших военных промахов можно подметить в нашей кампании против белой Польши. Во всяком случае, значительная их часть была искуплена примерной стойкостью на новых позициях, к которым мы вынуждены были отойти к сентябрю.

Перемирие на польском фронте дало нам возможность сосредоточить необходимые силы против Врангеля.

Еще в сентябре, после ряда чрезвычайно неудачных для нас операций, был на этом фронте нами достигнут решительный успех,—мы упрочились на левом берегу Днепра у Каховки, создав здесь укрепленный плацдарм, базу для наступления к Перекопу—Сивашу. Это была глубокая, добиравшаяся до сердца заноза в спину Врангелевской армии. Не ликвидировав ее, Врангелю нечего было и думать о развитии своего наступления к северо-востоку. И Врангель предпринимает отчаянную попытку ликвидации Каховского плацдарма. Но терпит жестокое поражение. Тем самым участь Северной Таврии предрешена—рано или поздно, а Врангель должен будет ее покинуть.

Предпринятые им к этому же времени попытки десанта—восстания на Дону и Кубани провалились, знаменуя решительный перелом в настроениях рядового казачества в сторону мира с советской властью.

Врангель однако упорствует в удержании за собою Сев. Таврии, и в результате едва-едва вырывается из кольца, в которое его пытается замкнуть конница Буденного. Через несколько дней после того, „неприступные“ позиции у Перекопа-Сиваша (оказавшиеся на деле весьма плохо подготовленными к обороне) нами взяты, и к концу ноября весь Крым занят советскими войсками, а эскадра Врангеля, набитая буржуазным и белоармейским хламом, входит под французским флагом в гавань Константинополя.

Основная борьба кончилась. Ликвидация пограничных банд Булак-Балаховича, ген. Перемыкина и других франко-польских наемников, ликвидация белофинской авантюры в Карелии, борьба Д. В. Р. с белыми бандами, кончившаяся на этих днях занятием

Владивостока, борьба с басмачами в Бухаре,—все это были эпизоды, не требовавшие особенного напряжения наших сил.

В начале 21 года меньшевистское правительство—верная прислужница Антанты — изгоняется из Грузии рабоче-крестьянским восстанием. Еще ранее Армения становится Советской. Советскими независимыми республиками стали Хива, Бухара.

IV

Организация красной армии—организация революции. Победа на хозяйственном и административном фронтах-условие военных побед. Политработа в красной армии. Роль партии.

Организация регулярной красной армии—это организация пролетарской революции.

Далеко не сразу нам, партии, удалось овладеть стихией революции во всем ее размахе. И это несмотря на весь, никогда невиданный авторитет партии и непреклонно—централистский характер ее стальной организации.

Лишь постепенно были преодолены центробежные устремления отдельных районов и окраин. И в области административного строительства—создания органов власти на местах и в области хозяйственной деятельности лишь постепенно устанавливался и еще не вполне установился твердый, четкий пролетарский режим; лишь постепенно сложилась и окрепла пролетарская государственность.

И, по мере упрочения советской власти, упрочивалась, оформлялась и регулярная красная армия.

Старая, царская армия неудержимо разлагалась под напором обостренной классовой борьбы. В армии эта борьба выливалась в столкновение крестьянских солдатских низов с барско-офицерскими верхами. Воинская иерархия рушилась, солдатские массы выходили из подчинения; армия переставала существовать.

Солдатские массы неудержимо тянули из окопов империалистской войны по домам. В город, деревню приносили они оружие, навыки к военному делу и сознание своей освобожденности от „начальства“ (ощущение разрыва вековых, рабских цепей).

В городе, деревне они втягивались в разгоревшуюся социальную борьбу.

И тут, в столкновении с белогвардейскими отрядами, с классовой вооруженной силой буржуазии, закипала стихийная работа собиранья вооруженных сил революции.

На фабриках-заводах эта организационная военная работа повелась еще задолго до октябрьской революции, еще с „мартовских дней“. Под руководством партии, рабочие строили более или менее планомерно свою красную „гвардию“. Рабочая красная гвардия и явилась основным ядром всех наших военных формирований первых месяцев революции.

В деревне собирание вооруженных сил против белогвардейской угрозы происходило, в общем, без всякой планомерности. В мелко-собственнической деревне господствовали анархо-безначальные настроения, преобладали местные интересы. Повстанческие силы деревень группировались самостоятельными отрядами вокруг отдельных вожаков, атаманов-добытчиков. Конечно, никакой правильной организации этих отрядов не могло быть; жили они „на подножном корму“; внутренняя дисциплина была слаба, взаимодействия не было. Поэтому в боевом отношении представляли они ничтожную силу, несообразно ничтожную рядом с их людской численностью и иногда весьма внушительным вооружением.

Если бы нам не удалось преодолеть этого хаоса партизанщины, мы бы не устояли в гигантской борьбе. Жестокие испытания немецким штыком на Украине и под Псковом; поразительные неудачи борьбы громадных партизанских масс с ничтожными силами „добровольцев“ весной—летом 18 года на Кубани и со слабыми отрядами чехо-словаков на Волге летом того же года, а еще более примерные частичные успехи, достигнутые в этой борьбе нашими отдельными, по военному организованными партизанскими частями (наприм., отрядом тов. Ковтюха во время знаменитого похода „Таманской Армии“)—обнаружили воочию всю нашу тогдашнюю военную несостоятельность.

Партизанщина была проявлением мелко-буржуазного хаоса революции, проявлением крайней социальной отсталости деревни, торжества неорганизованной деревенской стихии над организующей волей рабочего класса.

Преодоление партизанщины было победой этой организующей воли, подчинением крестьянской революционной стихии планомерному руководству пролетариата.

Без регулярной красной армии мы не смогли бы одолеть наших лучше нас вооруженных, правильно по военному организованных, многочисленных врагов.

И точно также—лишь регулярная красная армия, воспитанная в духе пролетарской государственности, могла устоять среди брожения широких крестьянских масс, поднятого кулаче-

скими верхами деревни в переходный к новой экономической политике период.

Это преодоление партизанщины нам далось лишь в связи с созданием мощного административного аппарата в центре и главное на местах. Без такого аппарата невозможно было перейти от добровольчества к воинской повинности. Этот же административный аппарат был необходим и для централизации дела военного снабжения, без чего нельзя было покончить с системой самоснабжения, укреплявшей „самостийничество“ наших отрядов, и с отсебятиной в вопросах военного формирования.

Лишь этим путем воздействия централизованной пролетарской государственности можно было установить необходимую военную иерархию, подлинную революционную дисциплину в рядах нашей армии. Только благодаря установлению этой дисциплины мы закрепили за армией довольно многочисленные элементы прежних военных специалистов, без участия которых строительство регулярной армии было бы до крайности затруднено.

Лишь постепенно советская власть овладела своей армией. И когда она ею овладела вполне, эта армия стала способна не только на кратковременные геройские подвиги, часто не имевшие прочных последствий, а и на длительные военные кампании, дающие решительные результаты.

Враг не давал нам возможности спокойно заняться переорганизацией наших сил и их обучением.

Учебу красная армия проходила прямо в бою. И в выдержанной нами борьбе на нашей стороне сказывалась всегда крайняя слабость кадров и отсутствие надлежаще-обученных резервов. Только что мобилизованные массы, иногда толпы изловленных дезертиров, кое как сколоченные в подобие частей, бросались нами прямо в бой. Конечно, под натиском более опытного и технически сильнейшего противника, эти массы бою не выдерживали. Проходило обычно несколько недель напряженной организационной и политической работы, работы непосредственно на самом фронте, прежде чем нам удавалось оправиться от ударов противника и сорганизовать успешное контр-наступление.

Но в конце концов, это всегда нам удавалось, и эти удачи целиком оправдывают основные принципы нашего военного строительства. Целиком оправдано стремление перестроить армию из добровольчески-партизанской в регулярную, целиком оправдано и привлечение к этому строительству старого офицерства.

Конечно, случаи измены командного состава у нас были довольно таки часты.

Это была неизбежная дань прошлому, неизбежные „издержки“ венного строительства. И по мере укрепления советского режима, по мере роста успехов красного оружия, этих случаев становилось все меньше.

Конечно, неправда, что, как утверждается, например, в французском журнале „Военное Обозрение“, красная армия целиком обязана своей стойкостью военспецам. Но их доля в достигнутых успехах громадна. И в общем к концу этого периода гражданской войны бывший офицерский состав (бывших кадровых офицеров среди комсостава красной армии до 6% и до 28% офицеров военного времени) сжился с армией, пропитался ее духом, выварился в советском котле.

Случаи измены со стороны комсостава в красной армии были, говорю, довольно часты. Но почти не было случаев измены целых воинских частей.

Как раз обратное наблюдается у противника. Всегда, когда он пытался перейти от партизанства к регулярной армии, он неизбежно терпел крах, не будучи в состоянии своими сравнительно куда более сильными и опытными, чем у нас, кадрами справиться с куда меньшими, чем у нас, массами мобилизованных.

Но и против этого противника с его импровизированными, нерегулярными, классовыми, не национальными войсками, мы держались с трудом и победу над ним покупали тяжелой, кровавой ценой.

Это должно бы научить нас необходимой скромности, пропитать глубочайшим стремлением к напряженной военной учебе и сосредоточить чрезвычайное внимание всей страны на красной армии. Во многом надо ее улучшить, много надо над ней поработать.

Лишь с громадным, почти смертельным напряжением всех сил мы добились победы. И эта победа красной армии в гражданской войне стала возможна, как уже сказано нами выше, лишь в результате успехов советской власти в области административного и хозяйственного строительства.

Она была нашей победой на хозяйственном фронте. Ведь к концу 20 года мы довели численность армии до 5½ миллионов чел. Эту армию надо было обмундировать, прокормить, вооружить. Эту армию надо было распределить по громадному 8.000-верстному фронту; во время военных операций перебрасывать спешно из одного конца страны в другой.

И в общем нам всегда удавалось в решающий момент сосредоточить против угрожающего противника подавляющие силы и вырвать инициативу из его рук.

На VII-ом Съезде Советов (декабрь 19 года) тов. Троцкий следующими словами говорил о снабжении красной армии:

„Вопросы снабжения представляли для нас громадные затруднения. Наш советский аппарат в этой области подвергался тягчайшему испытанию и—выдержал его. Был период, когда наши заводы не производили ни одного патрона, ни одной винтовки, ни одного пулемета, ни одного орудия,—период, когда старый аппарат распался, а к созданию нового мы еще всерьез не приступили. Когда мы восстановили военную промышленность, производство в первый месяц дало крайне скромные результаты. Я скажу, что последний производственный месяц дал результаты в 10—15 раз больше, чем тот первый месяц, когда мы приступили к работе. Мы достигли необходимых результатов. Наш аппарат оказался способным восстановить военную промышленность. Мы в этом отношении стоим сейчас вполне твердо на двух ногах. Опасность того, что мы погибнем из-за отсутствия патронов, винтовок, пулеметов и орудий, опасность, которая нам грозила 8—10 месяцев назад, уже не существует, она исчезла, ее нет. Этот самый факт, скажу я, отходя на шаг в сторону, свидетельствует, что аппарат, который способен в несколько месяцев наладить военную промышленность, будет способен наладить промышленность вообще. Стало быть, здесь испытание военного аппарата есть испытание нашего режима вообще“.

Работа, проделанная нашим транспортом, была также громадна.

По данным ЦУПВОСО, с августа 19 года по ноябрь 20 года, перевезено по всем жел. дорогам всего 4.986 воинских эшелонов, что составляет в среднем 5,4 эшелона в день. Особенно много перебросок падает на Южный фронт (2.781 эш.) и на Западный (1.002 эш.).

Одновременно произведена почти в циклопических размерах работа по восстановлению разрушенных противником железных дорог; по далеко неполным данным одних жел.-дор. мостов отремонтировано за то же время 3.305.

Красный транспорт вышел с честью из испытания.

Наша военная победа была вместе с тем победой в административной области, в области управления страной. Без налаженного советского аппарата на местах мы не в состоянии были бы провести сколько-нибудь упорядоченно призыв в армию та-

ких громадных масс, их снабдить всем жизненно необходимым и направить в надлежащем порядке в соответствующие кадры.

Вначале мобилизации проводились без надлежащей подготовки, без точного учета и т. д. Мобилизационная лихорадка вызывала большой рост числа дезертиров и уклонившихся. С дезертирством была поведена твердая планомерная борьба как мерами агитационного, так и репрессивного характера. И результаты вскоре сказались. Но решающим моментом явилось именно укрепление органов советвласти на местах и общий рост государственности в стране.

Рядом с этим стоит и неподдающаяся точному учету политическая работа, совершенная всем аппаратом партии в стране и внутри самой армии. Надо было преодолеть то чувство усталости и отвращения к „военщине", которое вынесено было широкими массами из империалистической войны. Надо было разъяснить этим массам жизненную необходимость для них вооруженной обороны, связать в их сознании запросы их повседневной жизни с историческими задачами революции. Надо было изо дня в день растить политическую настороженность масс трудящихся. В самой армии надо было побороть все антигосударственные, центробежные устремления, столь сильные в крестьянской стране и мужицкой революцией еще взрощенные, и спаять ряды армии в единое целое, воодушевленное духом мировой пролетарской революции.

Для такого воздействия на армию, был сложен громадный пронизывающий ее насквозь политический аппарат.

Его задачи—наряду с осуществлением, через посредство комиссаров, бдительного контроля над работой штабов и военных учреждений, постоянная работа по политическому воспитанию красноармейцев и непосредственная на фронте политическая подготовка определенных боевых кампаний.

Мы не в состоянии учесть во всем объеме эту многостороннюю работу. Чтоб дать некоторое понятие о размерах издательской и культурно-просветительной деятельности в армии, привожу несколько показательных цифр.

К началу 19 года, по почину Всеросс. Бюро Военных Комиссаров, действовавшего в тесном контакте с Наркомпросом, налажено до 4.500 изб-читален, задача которых, согласно „Положения об избах-читальнях", заключалась в пропаганде идей Красной армии в деревне.

К этому же времени в Красной армии насчитывалось 383 клуба, 100 драматических кружков, 22 музыкальных и т. д.

К концу 18 года во всех округах было 444 школы и 1795 библиотек.

Решением VIII-го Съезда партии, В. Б. В. К. переорганизован в Политуправление Р. В. С. Р.

Со времени учреждения ПУР'а, политработа в армии в основном получила законченную организационную структуру и определенную централизованность.

Ее размах еще более расширен. По своему содержанию она значительно углублена.

Издательская деятельность ПУР'а выражается следующими (привожу с приближением) цифрами: с 1-го июня 19 года по 1-е июля 20 года издано листовок и воззваний—до $9^1/_2$ миллионов, периодических изданий—до 1.700.000, плакатов и т. п.—$4^1/_4$ милл., открытых писем—свыше 800 тысяч и т. д. А всего — более $18^1/_2$ милл. экземпляров.

Сверх того, значительная издательская работа проделывалась самими военными округами и политотделами на фронте. Каждая из армий (их было до 16 к началу 20 г.) имела свой периодический орган (почти всегда ежедневный), даже политотделы некоторых дивизий издавали свои газеты. Все политотделы выпускали воззвания и т. д.

Особенно усиленную издательскую деятельность развернул Политотдел Западного фронта.

За время с октября 19 г. по апрель 21 года им издано: журналов 10 названий (на четырех языках)—980 т., газет и бюллетеней (всего 34 названия, на четырех языках)—2.813 тыс., плакатов, лубков и т. п.—251 тыс., листовок, приказов и т. п.—до 22 милл., книг и брошюр—2.376 тысяч, открытых писем—239 тысяч экземпляров и т п.

Широко развернулась также культурно-просветительная работа.

Клубов к 1 января 20 года было 1315, библиотек к 1 июля 20 г. было 10.029. К июлю 20 года в 12 военных округах имелось 624 театра, 767 хоровых и музыкальных кружков, на фронте — 401 хоровых и 510 музыкальных кружков.

За время от марта 19 года по февраль 20 года в армию было послано до 145 милл. экз. центральных газет (в том числе 109 милл. „Бедноты").

Из политотделов армии исходила инициатива ликвидации неграмотности. Еще за три месяца до издания обще-советского декрета (дек. 19 г.) был издан приказ Р. В. С. Р., которым предписывались определенные меры в этом отношении. К весне 21 года

в действующих армиях и Балтфлоте насчитывалось до 1600 школ грамоты и до 200 школ политграмоты.

Еще одна сторона деятельности политорганов армии должна быть особенно отмечена. Это их работа по строительству советсой власти в очищаемых от белогвардейцев районах.

Взаимоотношения с гражданскими властями — особенно больная сторона в нашей армии в первый ее период. Упорядочение снабжения армии смягчает остроту этого вопроса. А выделение при политорганах армии особых отделов (комиссий) по советскому строительству урегулировало вопрос об административной организации ближайшего тыла действующих частей. В гражданской войне вопрос этот приобретал особенное значение.

Красная армия повсюду являлась армией пролетарской революции, ее появление знаменовало коренную ломку социальных отношений, и, до крайности, важно было, чтобы эта ломка совершалась в надлежащих формах, исходя из нажитого революцией опыта. Требования практики и привели к тому, что при всех политотделах более или менее крупных войсковых соединений были созданы особые комиссии советского строительства. Они узаконены под названием „советских отделений“ приказом Р. В. С. Р. от 22 января 20 года.

Во всей своей громадной работе политаппарат армии опирался не только на комиссаров и на свой штатный состав, главную свою опору он имел в коммунистических ячейках внутри самих частей, т. е. во всей массе военных членов партии.

Строительство Красной армии и руководство ее борьбой потребовали от нашей партии совершенно исключительных усилий и неисчислимых жертв.

Партия послала в армию большинство своих сил.

С декабря 18 года по 15 августа 20 года чрез центральные органы политвоенработы направлены в армию до 30 тысяч политработников. Немало их направлено и непосредственно „местами“.

Наибольшее количество отправок—до 5400 падает на октябрь 19 г. (против Деникина) и на май 20 г.—до 3.700 (против белополяков).

К 1 октября 19 года число коммунистов в армии достигало 120 тысяч.

К 1 августа 20 г. во всей армии было до 7000 ячеек с 300.000 членов и кандидатов.

Роль, сыгранная партией в строительстве Красной армии, совершенно исключительная.

На VII съезде Советов (7 дек. 19 г.) т. Троцкий свидетельствовал, что „без коммунистической закваски, без самоотвержения, без примерной доблести лучших представителей рабочего класса эта армия распалась бы прахом". В трудные минуты на фронте военное командование и главнокомандующий обычно обращаются к Р. В. С. Р. с просьбой о присылке коммунистов. Тов. Троцкий приводит характерный случай, когда (на Украине) меньшевики-командиры обращались с просьбой к комиссару полка о посылке агитаторов-коммунистов с коммунистической литературой. Для коммунистов в армии не существует никаких преимущественных прав, существуют лишь суровые обязанности. И они в большинстве с великой честью для партии эти обязанности выполнили.

„Мы,—говорил т. Троцкий на VII съезде Советов,—когда-то с интересом относились к японской касте самураев, которые во имя коллектива, национального целого не останавливаются никогда перед смертью. Я должен сказать, что в лице наших комиссаров, передовых бойцов-коммунистов, мы получили новый коммунистический орден самураев, который — без кастовых привилегий—умеет умирать за дело рабочего класса".

V.

Вопросы военной политики на VIII Съезде партии. IX Съезд и вопрос о трудармии и милиционной системе.

Под тяжким молотом военных ударов ковалась наша Красная армия.

И строительство ее не могло быть с первых же шагов планомерным и безболезненным.

Закваска „партизанщины" долго дает себя знать в жизни нашей армии.

Особенно ее пережитки проявлялись (и проявляются и по сию пору) в вопросе о привлечении в Красную армию военных специалистов.

Без военных специалистов невозможно было организовать крепкую, боеспособную армию,—армию регулярную, проникнутую сознанием своего общегосударственного значения.

Но ведь революция в старой армии началась с разрыва связей между командным составом и солдатской массой. Офицер в армии — это было олицетворение ненавистного режима помещичье-полицейской диктатуры. И создались с обоих сторон—и со стороны офицерства и со стороны солдат — такие взаимно оттал-

кивающие настроения, что в первое время привлечение в широких размерах военных специалистов на командные посты в Красной армии представило большие трудности.

Лишь громадным авторитетом нашей партии в массах объясняется то, что это привлечение все же удалось и прошло без особых осложнений.

Но и в самой партии, впрочем, не легко были изжиты серьезные расхождения в этом вопросе.

Особенно обстоятельному обсуждению больные стороны нашей работы в армии подверглись на VIII Съезде партии (апр. 19 года).

Тезисы по военному вопросу, представленные тов. Троцким и защищавшиеся тов. Сокольниковым, отвечали определенно на все вопросы военного строительства.

Тов. Троцкий прежде всего сводит последние счеты с пресловутой „партизанщиной".

„Противопоставление идеи партизанских отрядов планомерно организованной и централизованной армии" он называет „карикатурным продуктом политической мысли или недомыслия буржуазной интеллигентщины... Партизанские методы борьбы навязывались в первый период пролетариату его угнетенным положением в государстве. Завоевание политической власти дало пролетариату возможность использовать государственный аппарат для планомерного строительства централизованной армии, единство организации и единство управления которой только и могут обеспечить достижение наибольших результатов с наименьшими жертвами. Проповедывать партизанство, как военную программу, то же самое, что рекомендовать возвращение от крупной промышленности к кустарному ремеслу. Такая проповедь вполне отвечает природе интеллигентских групп, неспособных владеть государственной властью, неспособных даже серьезно ставить себе задачу овладения этой властью и изощряющихся в партизанских (полемических или террористических) набегах на рабочую власть".

На вопрос—регулярная армия или милиция—тов. Троцкий отвечает:

„Можно считать теоретически неопровержимым, что самую лучшую армию мы получили бы, создавая ее на основе обязательного обучения рабочих и трудовых крестьян в условиях близких к их повседневному труду. Общее оздоровление промышленности, повышение коллективности и производительности сельско-хозяйственного труда создавало бы самую здоровую

основу для армии, роты, батальоны, полки, бригады, дивизии которой совпадали бы с мастерскими заводов, заводами, деревнями, волостями, уездами, губерниями и пр. Такая армия, формирование которой шло бы нога в ногу с хозяйственным подъемом страны и параллельным воспитанием командного состава, стала бы самой непобедимой армией в мире. К такой именно армии мы идем, и раньше или позже мы к ней придем".

Но в условиях непрерывного штурма со стороны многочисленных врагов, мы не могли перейти указанным „органическим" путем к рабоче-крестьянской милиции и оказались вынужденными прибегнуть к мобилизациям и казарменному обучению.

Нынешняя Красная армия поэтому армия переходного типа. Зародышем нового склада армии, — армии милиционной, являются формирования Всевобуча. Роль Всевобуча не может сводиться к одной допризывной подготовке; Всевобуч должен перейти к формированию сначала самых мелких воинских единиц, не отрывая их от обстановки, и постепенно развернуть работу до формирования „целых дивизий, из местных рабочих и крестьян с местным командным составом, с местным запасом снабжения. Соответственно и система комплектования армии должна измениться— пополнения должны формироваться в процессе и на основе всеобщего обучения и направляться в действующие полки того же территориального происхождения".

В вопросе о выборности комсостава тезисы тов. Троцкого не вполне категоричны—они признают возможной выборность в комбинации с назначением, а самая эта комбинация „диктуется исключительно практическими соображениями и зависит от достигнутого уровня формирования, степени сплоченности частей, наличия командных кадров".

В вопросе о привлечении военных специалистов, тов. Троцкий не находит почвы для „принципиальных разногласий".

„Революционный характер армии,—говорит он,—определяется прежде всего характером того советского режима, который эту армию создает, который ставит ей цель и превращает ее таким образом в свое орудие. С другой стороны, соответствие этого орудия советскому режиму достигается классовым составом главной массы бойцов, организацией Комиссаров и коммунистических ячеек, наконец, общим партийным и советским руководством жизнью и деятельностью армии".

Тезисы тов. Троцкого в своей принципиальной части уделяют еще внимание агитации, ведущейся против Красной армии, как основы грядущего бонапартизма.

Тов. Троцкий выясняет, что бонапартизм является там, „где у власти стоит мелкая буржуазия, находящаяся между крупными буржуазными элементами и революционными пролетарскими низами, еще неспособными к политическому господству. Бонапартизм нашел опору в крепком мужике и поднялся над классовыми противоречиями, не находившими решения в революционной программе мелко буржуазной демократии“.

У нас армия классовая, кулацкие элементы из нее исключены. И у нас пролетариат стоит у власти. Красная армия напротив является „орудием социалистической самообороны пролетариата и деревенской бедноты, защитницей их против опасностей кулацко-буржуазного бонапартизма, поддерживаемого чужестранным империализмом“.

В заключение тов. Троцкий отмечает, что и пролетарская милиция не является для нас идеалом военного строительства. С победой коммунизма исчезнут классы, и армия станет общенародной в подлинном смысле этого слова.

Этой строго выдержанной линии военной политики оппозиция на съезде не смогла противопоставить никакой принципиально от нее отличной.

Докладчик оппозиции тов. Смирнов В. М. противопоставил тезисам тов. Троцкого лишь одну существенную оговорку—относительно привлечения в Красную армию прежнего офицерства.

„Бывшее офицерство в своей массе близко к белогвардейцам“—утверждает он. И недостаточно приставить к ним комиссаров для контроля. В ходе войны роль комиссаров „оказалась более широкой, не только контрольной, но в значительной степени и управляющей“. А между тем, наша военная политика клонится к ограничению роли комиссара только чисто контрольными функциями. „Необходимо предоставить комиссарам более широкие права, большее участие в управлении армией“. Еще более опасно и не соответствует сложившемуся положению—предоставление командному составу руководящей роли в тылу, где „сфера общей организации армии“, самых условий которой военные спецы не могут понять „по своей психологии“.

Сверх этого основного момента, тов. Смирнов указал еще на необходимость демократизировать внешний вид армии, дабы не отталкивать от нее крестьянина и пролетария.

В результате довольно длительных прений, обе стороны почти полностью столковались. Тезисы тов. Троцкого приняты с чисто редакционными поправками. Также единогласно принята и резолюция, излагающая практические мероприятия.

В ряду этих практических мероприятий, некоторой новизной являются лишь предложения — „организовать систему аттестации командного состава комиссарами; создать в тылу на фронте компетентные аттестационные комиссии, составленные с преобладанием партийного представительства для систематического направления в школы Красных офицеров красноармейцев, наиболее подготовленных боевой практикой к роли красных офицеров; спешно переработать положение о комиссарах и Реввоенсоветах в смысле точного определения прав и обязанностей комиссаров и командиров, при этом предоставив разрешение хозяйственно-административных вопросов командирам совместно с комиссарами и предоставив комиссарам право налагать дисциплинарные взыскания (в том числе и право ареста) и право предания суду".

Тезисы тов. Троцкого по военному вопросу, единогласно принятые VIII Съездом партии, открывали вполне определенную перспективу военного строительства.

И была полоса, когда своеобразным путем мы приблизились к осуществлению основной задачи военного строительства, намеченной в этих тезисах.

Колчак был сломлен в Сибири, Деникинская армия сброшена в Черное море. Блокада, в которой нас держала Антанта, — прорвана. С целым рядом стран мы начали деловые переговоры о возобновлении торговых сношений. Наступившая передышка казалась достаточно длительной для того, чтобы было возможно попытаться перевести армию на мирное положение.

Армия проделывает эксперимент чрезвычайно любопытный — на Урале предпринимается первая попытка перевести армию на трудовое положение, оставляя в основном нетронутой ее организацию и отнюдь не разоружаясь.

И, на основе этого эксперимента, возникает целый ряд проектов о построении управления нашей промышленностью по типу военного управления. Естественное стремление перенести удавшиеся в военном строительстве методы в сферу хозяйственной деятельности владеет большинством партии.

Тов. Троцкий в своем докладе по вопросу о хозяйственном строительстве на IX съезде партии (весной 20 г.) указывает на совершенную необходимость „перенести на трудовую область" опыт, нажитый нами в военной области — „режим твердой, неукоснительной, железной исполнительности". Но, делает он оговорку, „милитаризировали" армию мы вовсе не путем отдачи

„мужицкого сырья“ под начало генералов и т. п., а милитаризировали через передовых рабочих, членов партии.

Исходя из опыта трудовых армий, тов. Троцкий отмечает возражения о низкой производительности принудительного труда.

Но, не в пример некоторым прожектерам, он признает, что аппарат действующих армий не приспособлен для руководства трудовыми процессами и что его приходится соответственно приспособлять.

Из того же опыта применения трудармий, тов. Троцкий выводил необходимость областного районирования страны.

В принятых съездом тезисах по хозяйственному строительству подведен итог опыту трудармий. Признано, что военный труд в широких размерах может быть применен целесообразно лишь при простом характере работы, доступном равно всем красноармейцам и т. д. Что же касается применения целых трудовых армий с сохранением армейского аппарата, то это может быть оправдано лишь необходимостью сохранить армию в целом для военных задач. Если эта необходимость отсутствует, то „необходимо громоздкие штабы и управления расформировать, используя лучшие элементы из квалифицированных рабочих в качестве небольших ударно-трудовых отрядов на важнейших промышленных предприятиях“.

Тут применению армий для трудовых целей отведена строго ограниченная область, тут налицо отказ от тех необозримых перспектив, которые открывались при первых шагах трудармий.

Еще более вплотную к судьбам армии подошел IX съезд партии при обсуждении вопроса о „переходе к милиционной системе“.

В своем докладе по этому вопросу тов. Троцкий начинает с разоблачения „демократических, то-есть по существу мелкобуржуазных иллюзий“ в вопросе об организации армии.

„Форма армии, говорит он, не определяет ее классового существа“. И хотя наша армия не милиционная, а казарменная, но это классовая армия, армия трудящихся.

На деле, во время войны все страны пришли от постоянной армии к милиции, пришли наспех, вынужденные поднять к борьбе многомиллионные массы, раз в 5—7—9 большие, чем число солдат в довоенное время.

Политическая возможность перехода к милиционной системе у нас есть. Это показывает опыт мобилизаций—удалось мобилизовать полностью 13 возрастов.

Тов. Троцкий предостерегает от заблуждения, что милиционная армия дешевле постоянной. „Это неверно, это—армия дорогая. Она предполагает дальнейший культурный подъем сознания всей массы, она предполагает широкую организацию на местах, она предполагает высокого типа кадры, она предполагает колоссальные запасы орудий и снаряжения". Но она сочетает оборону с трудом,—в этом ее огромный хозяйственный плюс.

Милиционная армия—по существу армия территориальная. Задача—в „индустриализации нашей армии", а это достигается совпадением военных округов с промышленными. Отсюда вопрос о новом районировании страны, без чего невозможно правильно строить и милиционную армию.

Переход к милиционной системе мы сможем осуществлять лишь постепенно, ибо необходимо прикрыть оформленными воинскими частями определенные опасные для нас направления. На ряду с дивизиями милиционными, известное время должны существовать дивизии, сформированные по старому типу.

Тов. Троцкий обстоятельно развивает основную мысль об „индустриализации" армии—базой всего построения милиционных частей явится „известная группировка промышленных предприятий и окружающая широкая промышленная периферия". Командный состав должен быть „теснейшим образом связан с производственной жизнью каждого района". Аппарат военной мобилизации сливается с аппаратом трудовых мобилизаций; одновременно обслуживаются две задачи — „задачи хозяйственного возрождения и задачи сохранения своей боеспособности".

По докладу тов. Троцкого съездом принята резолюция, в которой признается необходимость постепенного и всемерного „приближения армии к производственному процессу", преобразования ее в „построенную на территориальных началах Красную рабоче-крестьянскую милицию". В дальнейшей части резолюция повторяет основные положения докладчика.

Начавшееся вскоре после IX съезда партии наступление поляков и Врангеля заставили на время отложить выполнение этой партийной директивы.

После мира с Польшей и разгрома Врангеля, наступила длительная мирная полоса. Пред нами вплотную встали вопросы о дальнейшей судьбе Красной армии.

Встали они в обстановке отсутствия внешних фронтов и наличия серьезных опасностей отовсюду.

VI.

Больные вопросы мирного периода. Милиционная или постоянная армия. Революционная наступательная война в постановлениях партии и в „Пролетарской военной доктрине". Очередные задачи.

„Фронтов нет—опасность есть"—заявил т. Троцкий на IX Съезде Советов.

Фронтов нет—но опасность есть не только со стороны империалистской заграницы, но и со стороны мелкобуржуазной стихии, взбаламутившейся так грозно внутри страны в 21 году.

В борьбе с мятежниками Кронштадта, кулацкими восстаниями в Тамбовщине и на Украине, Красная армия держала серьезный государственный политический и боевой экзамен.

Она этот экзамен выдержала. Она показала себя в основном надежной боевой силой пролетарского государства. В то время, как анархо-партизанщина догорела, чадя черным дымом буржуазной контр-революции, в Кронштадте; в то время. как под воздействием обозленных, обиженных революцией кулаков, середняцкое крестьянство в ряде губерний пошатнулось враждебно к советской власти,—Красная армия, в подавляющей своей массе, осталась надежным орудием пролетарского государства, нерушимой соблюла спайку рабочего класса и трудового крестьянства.

Демобилизованные красноармейцы везде проявили свою преданность советской власти.

Это—к великой чести проделанной нашей партией в армии работы.

Общая обстановка позволяла нам демобилизовать значительное количество возрастов—за год армия сократилась в 5—6 раз. К нынешнему времени численность ее не превышает 600 тыс., считая и войска Г. П. У. и погранчасти. Это значительно меньше того, что держал под ружьем царизм.

Возможность дальнейшего сокращения зависит от общей обстановки.

Но дальнейшее сокращение численности армии неизбежно продиктует основательную ломку всего ее учебного плана и всего порядка ее мобилизации.

В возможной войне нам приходится предвидеть необходимость мобилизации многомиллионных масс. Для руководства ими нужны солиднейшие кадры и нужно действительно военное их обучение.

И то, и другое выдвигает трудно обозримые перспективы пред работой Всевобуча. И то, и другое повелительно потребуют дальнейшего сокращения срока службы.

И то, и другое означают значительный шаг в сторону милиционной системы.

Это—перспектива, совершенно очевидная вне всяких принципиальных споров о построении Красной армии.

А принципиальные споры вокруг вопроса о милиционной системе повелись обостренно в военно-партийной среде.

Можем ли мы в сложившейся политической обстановке, особенно в условиях Нэпа, когда в деревне вновь усиливается процесс классового расслоения, думать всерьез о переходе к милиционной армии? Не представляется ли реальной опасность того, что чрезмерно ослабнет пролетарский стержень армии, ее трудовая спайка сотрется, местными влияниями заслонится в ней сознание своей общегосударственной роли?

А к этому еще прибавьте сомнения о дислокации (распределении) кадров этой армии по всей обширной стране, невозможность при наших хозяйственных (особенно транспортных) условиях быстрого сосредоточения таких раздробленных сил к какому-либо угрожаемому пункту.

К этим условным сомнениям кое-кто из военных товарищей присовокупил и сомнения принципиальные.

Тов. Тухачевский в записке к X Съезду партии, на котором предполагалось обсудить вновь вопрос о милиционной системе, повторив в развернутом и расплывчатом виде сжатую и блестящую аргументацию тов. Троцкого (на IX Съезде партии) о демократических иллюзиях деятелей II Интернационала в области военного строительства и о дороговизне милиционной системы, высказывается и принципиально против милиционной армии, как неспособной к выполнению задач „социалистической войны".

Тов. Тухачевский отвергает необходимость подготовки „вооруженного трудового народа" для защиты страны и заявляет себя сторонником небольшой, но старательно обученной, высоко маневренной армии. Такая армия, „постоянная, построенная на принципе классового и интернационального комплектования" сможет принять участие и в мировом революционном „движении" и послужить „основой для создания мировой Красной армии.

В опасениях противников милиционной системы в наших нынешних условиях есть несомненно нечто ценное.

Но их принципиальные возражения против нее представляются неубедительными.

Переход к милиционной системе вовсе не означает отказа от классового построения армии. Втягиванье в армию, на ряду с деревенской беднотой, и середняцкого крестьянства отнюдь еще само по себе не ведет к перерождению нашей армии. Середняцкое крестьянство, конечно, слой колеблющийся, неустойчивый, но амплитуда его колебаний между пролетариатом и буржуазией крайне съужена в условиях пролетарской диктатуры, крупную буржуазию подавляющей и направляющей государственные средства в поддержку мелкому крестьянскому хозяйству. И эти колебания мелкобуржуазной стихии не могут серьезно отразиться на настроениях нашей армии, ибо эта армия служит прежде всего делу мира, обеспечению покоя и завоеваний рабоче-крестьянской революции.

Тов. Тухачевский видит большие преимущества за малочисленной (относительно) армией.

Но классовая война, нынешняя наша революция — это есть выступление класса против класса, это подъем глубочайших, низинных слоев человечества против класса эксплоататоров.

В ней пролетариат побеждает не только своей решительностью, но и массовым напором. И вместе с тем, мы должны избегать всего, что может придать борьбе империалистической буржуазии против нас массовый, национальный характер.

Если мировая буржуазия, несмотря на то, что была на много раз нас сильнее, не смогла выдвинуть против нас решающих сил, то это объясняется лишь тем, что ее классовая охрана (скажем, Оргеш в Германии) слишком недостаточна для внешних походов, а настроения широких трудовых масс после войны не таковы, чтобы эти массы были послушным оружием в руках буржуазных захватчиков.

Небольшой армии Тухачевского империалистическая буржуазия всегда смогла бы противопоставить подавляющие и численностью, и техникой, и управлением, и обучением силы. Вынудить буржуазию искать для своей агрессивной политики сочувствия широких масс, без чего невозможно построение большой армии, это значит увеличить наши шансы на сохранение мира и на победу в случае войны.

И еще очень большой важности момент упускается из виду т. Тухачевским. В гражданской войне овладение территорией имеет гораздо большее значение, чем в войне „национальной“. Территория в наших руках это необходимое условие для установления пролетарской власти и расширения революции. Потеря нами территории означает восстановление на ней прежних социальных отношений, разрушение определенной социальной си-

стемы. Для обеспечения же за нами территории, мы должны сделать обороноспособным ее население. Пусть враг, вторгнувшийся в страну революции, найдет повсеместно нашу военную организацию, способную затруднить его действия, организовать ему сопротивление, оформить восстание против него.

Не малая, хотя бы технически сильная армия поэтому нам нужна, а армия, за которой стоят, в виде резервов различных очередей, громадные, обученные военному делу, массы.

Не совсем точно и заявление, что милиционная армия непомерно дорога для государства. В нашем пролетарском государстве, где власть управляет главнейшими производительными силами и руководит всей хозяйственной жизнью страны, нельзя при расчете выгодности или невыгодности милиционной системы взвешивать только непосредственные затраты на ее проведение. Основным в этом расчете должно являться то, что при милиции сравнительно незначительная доля людей будет оторвана от производительного труда.

Конечно, проведение милиционной системы встречает громадные трудности.

Но трудности существуют на то, чтобы их преодолевать. Преодолеть же трудности при переходе от армии казарменного типа к милиционной нам сравнительно легко, опираясь на те громадные кадры получивших огневую, боевую выучку рабочих и крестьян, которые у нас имеются в наследство от империалистской и гражданской войны. Затруднения со снабжением, с запасами вооружения и т. д.? Конечно, тут затруднения будут большие, но совсем не непреодолимые.

Нельзя обнажать угрожающих направлений? Нападение всегда возможно? Правильно. Потому и нельзя пока что перейти целиком и полностью к милиционной системе с ее территориально закрепленными кадрами и т. д., а необходимо принять некоторую смешанную форму военной организации.

В таком духе к настоящему времени и разрешен этот остроспорный вопрос, особенно резко стоявший на военном совещании IX съезда Советов.

Но у тов. Тухачевского в походе против милиционной системы есть в резерве еще один аргумент, вскользь им высказываемый, но глубоко принципиальный и весьма часто встречающийся и у других видных военных работников. Милиционная армия не может быть армией коммунистической революции, неспособна вести наступительную революционную войну. А революция подводит нас к необходимости такую войну предпринять.

Вопрос о возможности революционной войны был поставлен теоретически, как уже было упомянуто, еще на июньской 17 года конференции военных организаций партии. Он вновь подвергся обсуждению на VI Съезде партии (август 17 года).

Тов. Бухарин в докладе о текущем моменте тогда говорил:

„Могут быть два случая: либо наша крестьянско-пролетарская революция победит раньше, чем вспыхнет революция в Зап. Европе и др. странах, либо в какой-нибудь из западно-европейских стран революция победит раньше, чем у нас. В первом случае перед победившей рабоче-крестьянской революцией на очередь станет объявление революционной войны, т.-е. вооруженная помощь еще не победившим пролетариям. Эта война может носить различный характер. Если нам удастся починить разрушенный хозяйственный организм, мы перейдем в наступление. Но если у нас не хватит сил на ведение наступательной революционной борьбы, то мы будем вести революционную войну оборонительную. Тогда мы будем иметь право заявить пролетариату всего мира, что мы ведем священную войну во имя интересов всего пролетариата, и это будет звучать товарищеским призывом. Такой революционной войной мы будем разжигать пожар мировой социалистической революции“.

И сам же, участвуя в прениях, поправляется:

„Новый подъем революции я мыслю в двух сменяющихся фазисах: первый фазис—с участием крестьянства, стремящегося получить землю, второй фазис—после отпадения насыщенного крестьянства, фазис пролетарской революции, когда российский пролетариат поддержат только пролетарские элементы и пролетариат Западной Европы“.

Казалось бы, при таком представлении о ходе революции должна отпасть самая мысль о том, что перед победившей (в России) рабоче-крестьянской революцией на очередь „должно будет встать объявление революционной войны, то-есть вооруженная помощь еще не победившим пролетариям“. В пору оказывается самим искать поддержку у рабочих Запада.

Колеблющаяся мысль докладчика уложилась в довольно уклончивую формулу, принятую съездом, по единогласному предложению резолютивной Комиссии:

„Ликвидация империалистического господства ставит перед рабочим классом той страны, которая первая осуществит диктатуру пролетариев и полупролетариев, задачу всяческой (вплоть до вооруженной) поддержки борющегося пролетариата других стран.

„В частности такая задача станет на очередь перед Россией если, что очень вероятно, новый неизбежный подъем русской революции поставит у власти рабочих и беднейших крестьян раньше переворота в капиталистических странах Запада (П. 9 резолюции „текущий момент и война)“.

И когда, при обсуждении этого пункта, тов. Преображенский выразил неудовольствие новой смягченной редакцией пункта, то тов. Бухарин пояснил:

„После первого чтения резолюции съезд пожелал внести дополнения о революционной войне, что и было мною сделано, но в резолютивной комиссии вопрос стал реально: будут ли у нас силы вести революционную войну, и мы внесли более мягкую формулировку, т. к. мы не можем бесповоротно утверждать, хватит ли у нас сил вести революционную войну“.

Через 3 месяца после этих прений перспектива, предположенная в приведенной резолюции, осуществилась, конечно, но не по схеме т. Бухарина. С первых шагов своих, находясь у власти, революционный пролетариат, на ряду с крестьянским делом, творил свое собственное классовое дело. Революция сразу приобрела интернациональный размах, ибо самым основам господства буржуазии была объявлена ею смертельная война.

И когда наступление германцев (февраль 18 года) ставит ребром вопрос о сопротивлении германскому империализму, реалистическое чутье настолько изменяет некоторым товарищам, (левые коммунисты с т.т. Бухариным, Радеком и др. во главе), что они решительно настаивают на провозглашении Германии „революционной войны“.

Великий реалист революционной политики Ленин, предлагавший согласиться на германское требование, остается в меньшинстве. Партия следует предложенному тов. Троцким решению— „мира не подписывать, войны не вести“ решению, перелагающему всю ответственность на революционный пролетариат Запада.

На деле мы вынуждены были подписать мир в Брест-Литовске. И тут выявилась воочию патриотическая природа мелкой буржуазии. Нашим решением (по словам Ленина) „всемирная диктатура пролетариата и всемирная революция были поставлены выше всяких национальных жертв“. И „столкновение с мелкобуржуазными элементами было самое резкое и беспощадное“ (восстание левых эсеров в Москве, бунт Муравьева).

Вопрос о революционной войне вновь подвергся обсуждению партии на VIII Съезде.

Во время дискуссии по национальному вопросу, т.т. Бухарин, Пятаков и др. настаивали на отклонении старой формулы „права наций на самоопределение". Тов. Бухарин доказывал, что в вопросах объединения или отделения различных наций, мы должны считаться с волею не всей нации, а с волей исключительно пролетариата и выдвигал формулу „самоопределение трудящихся классов". Тов. Пятаков шел дальше, отрицал и за пролетариатом отдельной страны право „определять свою судьбу, свои линии поведения или свою связь с остальными восстающими частями рабочей партии самостоятельно и независимо". Этого не может допустить интернациональная пролетарская партия. И тов. Пятаков предлагал формулу „строгой пролетарской централизации и пролетарского объединения".

В ответ тов. Ленин призывал к величайшей осторожности в национальном вопросе. „Осторожность особенно нужна, указывал он, со стороны такой нации, как великорусская, которая вызвала во всех других нациях бешеную ненависть". Советская Республика, образовавшаяся в стране, где царил национальный гнет, „должна сказать, что она уважает независимость наций".

Конечно, мы не остановимся перед борьбой с какой-либо маленькой нацией, которую империализм Англии или Америки превращает в свое оружие. Но необходимо считаться с националистическими предрассудками, которые еще чрезвычайно живучи даже среди пролетариев.

„Мы должны поставить дело так, чтобы немецкие социал-предатели не могли говорить, что большевики навязывают свою универсальную систему, которую будто бы можно на красноармейских штыках внести в Берлин. А с точки зрения отрицания принципа самоопределения нации так и может выйти".

В результате прений, в национальном вопросе съездом была принята формулировка, защищавшаяся тов. Лениным—„в вопросе о том, что является носителем воли нации к отделению, Р. К. П. стоит на историческо-классовой точке зрения".

Это напоминание о необходимости соблюдения особенного такта в национальном вопросе приводит нас вплотную к оценке взглядов еще до сих пор довольно широко распространенных в военно-партийной среде.

С легкой руки тов. Гусева (см. „Политработник" XII-21 г.), основной задачей политической работы в армии этим товарищами выдвигается задача подготовки армии к наступательной революционной войне.

Наиболее законченное выражение эти взгляды нашли в брошюре тов. Фрунзе: „Единая военная доктрина и красная армия“. В этой брошюре тов. Фрунзе, выдвигая законное требование выработки „единства мысли и воли в рядах армии“, на вопрос о характере военных задач, могущих стать перед нами, отвечает: „общая политика рабочего класса, класса активного по преимуществу, класса, стремящегося к завоеванию всего буржуазного мира, не может не быть активной в самой высокой степени. Пролетариат может и будет наступать, а с ним вместе, как главное его оружие, будет наступать и красная армия“. И т. Фрунзе заключает: „отсюда вытекает необходимость воспитывать нашу армию в духе величайшей активности, подготовлять ее к завершению задач революции путем энергичных, решительно и смело проводимых наступательных операций“.

Излагая дальнейшие элементы „единой военной доктрины“ тов. Фрунзе в области фактической подготовки настаивает прежде всего на воспитании „нашей армии в духе маневренных операций крупного масштаба“, затем на „подготовке ведения партизанской войны на территориях возможных театров военных действий“. Основой наших вооруженных сил для ближайшего периода т. Фрунзе считает „только постоянную Красную армию“. Переход к милиционной системе на основе Всевобуча допустим из соображений экономии средств, поскольку он не подрывает „способности красной армии к разрешению активных целей“.

Статьей т. Фрунзе открылась в нашей военной прессе и на собраниях, конференциях военработников довольно оживленная дискуссия по вопросу о „пролетарской военной доктрине“.

В дискуссию авторитетно вступил и тов. Троцкий, в статье „Единая военная доктрина или мнимое доктринерство“, разъяснил всю особую вредность возрождения на военной почве теории „левого коммунизма“.

Т. Троцкий вынужден останавливаться на самых азах марксизма и нашей военной политики. „Марксизм не дает готовых рецептов, но дает метод“. К военным вопросам мы подходили не от некоей „военной доктрины“, а из марксистского анализа наших задач и мы строили армию не из головы, а из данного исторического материала. И в деле строительства, резко отличаясь в области целей, классового состава большинства командиров и политической морали от всех остальных армий, красная армия, „в области формально-организационной и технической, становилась и становится на них тем более похожей, чем больше она развивалась“.

В довоенную пору у каждого из крупных государств была своя военная доктрина, как комплекс „устойчивых руководящих дипломатических и военно-политических идей и более или менее связанных с ними стратегических директив". Но из империалистской войны выросла „эпоха величайшей неустойчивости во всех областях" и необходимость для каждой страны итти эмпирическим путем в своей международной ориентировке.

Это касается и борьбы против Советской России. Эта борьба „развивается по такой линии зигзагов, что для нас смертельной опасностью было бы усыплять свою бдительность докринерскими словечками, „формулами" международных отношений. Единственная для нас правильная доктрина: *быть на чеку и глядеть в оба*".

Конечно, если под понятием „военной доктрины" разуметь совокупность принципов и тактических методов красной армии, то такая „доктрина" нам нужна. Но эти принципы и практические методы уже даны и никто из „доктринеров" ничего нового, ценного в этой области не дает.

Еще декрет 12-го января 1918 года об образовании красной армии определил, для чего мы ее строим. Этот декрет гласит:

„Старая армия служила орудием классового угнетения трудящихся буржуазией. С переходом власти к трудящимся и эксплоатируемым классам возникла необходимость создания новой армии, которая явится оплотом советской власти в настоящем, фундаментом для замены постоянной армии всенародным вооружением в ближайшем будущем и послужит поддержкой для грядущей социалистической революции в Европе".

Тов. „доктринеры" настаивают, что надо особо подчеркнуть международную роль красной армии.

Тов. Троцкий напоминает, что это вопрос не новый. Еще в 1906 году ему довелось писать:

„Если российский пролетариат, временно получивший в свои руки власть, не перенесет по собственной инициативе революцию на почву Европы, его вынудит к этому европейская феодально-буржуазная реакция".

Принципиальных разногласий на счет революционной наступательной войны у нас нет. Но, говорит Троцкий, „по отношению к этой „доктрине" пролетарское государство должно сказать то же, что сказал по отношению к революционному наступлению рабочих масс в буржуазном государстве (доктрина оффензивы) последний международный конгресс: только предатель может отрицать наступление; только простак может сводить к нему всю стратегию".

Именно теперь, когда мы на конгрессе Коминтерна признали необходимость перейти к обороне, а во внутренней политике совершили великое отступление (Нэп), возводить в „доктрину“ наступательную революционную войну—особенно не ко двору.

„Думают ли всерьез, спрашивает т. Троцкий, доктринеры“ что теперь, когда непосредственная помещичья опасность устранена, а европейская революция остается потенциальной, мы можем сплотить более чем миллионную, на девять десятых крестьянскую армию под знаменем наступательной войны во имя развязки пролетарской революции? Такого рода пропоганда была бы мертва.

„Конечно, мы ни на минуту не собираемся скрывать от трудящихся, в том числе и от красной армии, что, принципиально мы всегда будем за наступательно-революционную войну в тех условиях, когда она может содействовать освобождению трудящихся в других странах. Но думать, что на этом принципиальном заявлении можно создать или „воспитать“ действительную идеологию красной армии в нынешних условиях, значит не понимать ни красной армии, ни нынешних условий. В самом деле, каждый толковый красноармеец не сомневается, что если на нас зимой и весной никто не нападет, то мы-то уже во всяком случае не нарушим мира, а будем изо всех сил залечивать раны, пользуясь передышкой. В нашей истощенной стране мы учимся военному делу, вооружаемся, строим большую армию, для того, чтобы обороняться, если на нас нападут. Вот это „доктрина“—ясная, простая и отвечающая действительности“.

Ну да,—налицо противоречие „между оборонительной пропагандой и наступательным—в конечном счете—характером войны, но это—„жизненное, диалектическое противоречие“.

И тем, кто неосторожно придает чрезмерное значение военному вмешательству, тов. Троцкий разъясняет: „в той гигантской классовой борьбе, которая разыгрывается ныне, роль военного вмешательства извне может иметь только сопутствующее, содействующее, вспомогательное значение. Военное вмешательство может ускорить развязку и облегчить победу. Но для этого нужно, чтобы революция созрела не только в социальных отношениях—это уже есть,—но и в политическом сознании. Военное вмешательство—как щипцы акушера: примененное во время, оно способно облегчить родовые муки; пущенное в ход преждевременно оно может дать лишь выкидыш“.

От этих общих положений, тов. Троцкий переходит к специально-военным предложениям наших созидателей „пролетарской военной доктрины“.

Они полагают, что стратегия красной армии отличается от прочих маневренностью и наступательностью. Но, напоминает тов. Троцкий, „маневренность характеризует гражданскую войну в обоих лагерях“. А возводить в догмат то, что характеризует стратегию красной армии в прошлом, было бы величайшей ошибкой. Характер операций зависит от многих местных условий. Еще Клаузевиц предостерегал от „методизма“, т.-е. от шаблона и трафарета.

Вторую черту пролетарской стратегии видят в „наступательности“. Но наступательность проповедывалась перед войной (ныне уже, и резонно, не проповедуется) в военных академиях всех больших империалистских стран Европы.

Наши доктринеры говорят: „нельзя одновременно воспитывать в духе обороны и в духе наступления“.

„Пустое доктринерство,—отвечает т. Троцкий,—все искусство нашего военного строительства (не только военного) в Советской России состоит в том, чтобы сочетать международные революционно-наступательные тенденции пролетарского авангарда с революционно-оборонительными тенденциями крестьянской массы и даже широких кругов самого рабочего класса. Это сочетание отвечает всей международной обстановке. Уясняя смысл ее передовым элементам армии, мы тем самым научаем их правильно сочетать оборону и наступление не в стратегическом только, а и в революционно-историческом смысле слова“.

В заключение тов. Троцкий напоминает действительные насущные вопросы красной армии—вопросы ее учебы, ее культурного подъема, создания ее кадров.

Со страниц военно-партийной печати вопрос об „единой военной доктрине“ перешел на совещания военных работников. Происходившее незадолго до XI партсъезда совещание украинских командиров приняло предложенную т. Фрунзе резолюцию об обучении и воспитании красной армии.

Эта резолюция подверглась обсуждению совещания военных делегатов XI-го съезда партии.

Тов. Троцкий в своем докладе разобрал по пунктам резолюцию украинцев и показал их полную несостоятельность и поразительную путаницу понятий, в ней заключенную.

Особенное внимание т. Троцкий уделяет п.п. 4 и 5 этой резолюции, вновь требующим—вести политическую работу в армии на основе „поддержания и укрепления ее постоянной готовности выступить на борьбу с мировым капиталом“.

„Не забывайте,—отвечает тов. Троцкий,—что наша армия в подавляющем большинстве состоит из молодых крестьян. Она представляет собою блок руководящего рабочего меньшинства и руководимого им крестьянского большинства. Основой блока является необходимость защищать Советскую Республику. Защищать ее приходится потому, что на нее нападают буржуазия и помещики—враги внутренние и внешние. На этом сознании покоится вся сила блока рабочих и крестьян. Разумеется, мы сохраняем за собой программное право ударить классового врага по собственной инициативе. Но одно дело наше революционное право, а другое дело—реальность сегоднешнего положения и завтрашней перспективы. Иному может показаться, что это—второстепенное различие. А я утверждаю, что от этого зависит жизнь и смерть армии“.

Поскольку мы пишем не программу, а указание для работы сегоднешнего дня, здесь „решающим лозунгом, который отвечает всей обстановке и всей нашей политике, является оборона. В эпоху величайшей демобилизации армии, непрерывного сокращения ее, в эпоху НЭП'а, в эпоху подготовительной, организационной и воспитательной работы в европейском пролетарском движении—после проделанного отступления,—в эпоху единого рабочего фронта, т.-е. во время попыток совместных практических действий со Вторым и Двух-с-половинным Интернационалом—смешно и нелепо говорить армии: „может быть, завтра буржуазия нападет на нас, а может быть, и мы завтра нападем на буржуазию“. Это значит искажать перспективы, затемнять в головах красноармейцев воспитательное значение нашей международной уступчивости и парализовать огромную воспитательную, революционную силу этой уступчивости, которая проявится в том случае, если на нас, тем не менее, нападут“.

В своем содокладе тов. Фрунзе прежде всего заявил, что в области „методологической“ он не видит разногласий. Все согласны, что армии необходимо иметь определенные руководящие начала, на которых она создается и воспитывается. Термином „доктрина“ он лично готов пожертвовать. Но в вопросе, как воспитывать красную армию для подготовки к наступлению или обороне—Фрунзе ждет „отрицательных последствий“ от применения метода тов. Троцкого. В широкой массовой агитации нельзя говорить теперь о наступлении, а в планомерной систематической работе среди армии, по мнению т. Фрунзе,—необходимо. Что касается принципов стратегии и тактики, то они ведь не остаются не-

измененными, а меняются. И наш пролетариат должен наложить на них особый отпечаток.

Но тов. Фрунзе делает оговорку, что и он не думает о возможности для пролетариата сейчас вот сложить свою стратегию. Он утверждает лишь, что она—в процессе созидания.

Остальные выступавшие на совещании товарищи ничего существенно нового в дискуссию не внесли.

В заключительном своем слове тов. Троцкий еще раз останавливается на методах политической работы в армии: „Война есть дело большое, серьезное, длительное. Она предполагает новые мобилизации нескольких возрастов, мобилизации лошадей, усугубление гужевой повинности и пр. и пр. Совершенно очевидно, что мы не могли бы начать войну путем пропаганды той правильной отвлеченной мысли, что, дескать, интересы трудящихся во всем мире одинаковы и пр. Эта-то мысль правильная, и в нашей пропаганде, прежде всего, в нашей собственной партии, она должна занять виднейшее место. Но между пропагандой идеи международной революции и политической подготовкой трудящихся масс всей страны к возможным уже в ближайшее время военным событиям—разница огромная. Это разница между пропагандой и агитацией, между теоретическим предвидением и политикой сегоднешнего дня. Чем яснее, настойчивее, конкретнее, чем несомненнее мы сумеем показать и разъяснить всему населению страны действительно миролюбивый, действительно оборонительный характер нашей международной политики, тем больше будет все население готово, в случае, если нам все же навяжут войну, дать силы и средства для наступательной стратегии широкого масштаба“.

Конечно, мы этим самым ничуть не отказываемся от „наступления“, от борьбы и победы. Эта победа без наступления невозможна. Но „идея революционной наступательной войны может быть связана лишь с идеей международного пролетарского наступления. Но разве сегоднешний лозунг Коминтерна таков? Нет, мы выдвинули и отстаиваем идею единого рабочего фронта, совместных действий, даже с партиями II-го Интернационала, которые не хотят революции,—на почве отстаивания сегоднешних жизненных интересов пролетариата, ибо им угрожает со всех сторон наступающая буржуазия. Наша задача—овладеть массой. Как же, товарищи, вы не заметили этой тактики, не усвоили ее смысла, не уяснили себе ее связи с новой экономической политикой у нас внутри страны? Совершенио очевидно, что дело идет сейчас о большой подготовительной работе, в данный мо-

мент оборонительного характера, с широким массовым захватом. Из этой работы неизбежно вырастает на известном этапе массовое наступление, руководимое коммунистами; но сегоднешняя задача не такова. Согласуйте же нашу военную пропаганду с общим ходом политики мирового рабочего класса".

Тов. Троцкий отвечает и на упрек в выдвигании мелких задач, недоступных к разрешению красноармейцами. Возражающие не заметили глубоко важного значения культурной работы. Об этом говорил тов. Ленин на XI-м съезде партии. „Главной задачей" сейчас является именно вовлечение „в культурную работу самых глубоких слоев народа. Надо учить грамоте, нужно учить точности, бережливости". А подготовка отделенного командира — это не мелочь, это уже основа. Старший комсостав лучше всего сам научится, подготовляя младших.

„Отделенный командир — это центральная сейчас задача", ибо мы страдаем от слабости наших кадров.

Дискуссия по вопросам военной политики имела то положительное, что содействовала действительному устранению несомненно имевшегося в нашей армии разброда в области политического воспитания красной армии.

Единогласно принятая на том же совещании военных делегатов XI-го съезда директива по вопросам военно-политической работы, свидетельствует о выравнивании взглядов наших ответственных военных работников на методы политической и культурно-просветительной работы в армии, свидетельствует о наличии у нас искомой товарищем Фрунзе „доктрины".

На совещании Военных делегатов X-го съезда Советов уже не было принципиальных прений.

Вопрос об единоначалии, связывавшийся с вопросом о привлечении в армию бывших офицеров, уже года два, как является разрешённым — мы держим курс на единоначалие, отнюдь не форсируя его искусственно.

Не является спорным и вопрос о переходе к милиционной системе — военная мысль занята лишь изысканием, как применить эту систему к нашей реальной обстановке.

А эта реальная обстановка такова, что весьма ограничивает область военного экспериментирования — ведь наши соседи отклонили наше предложение о сокращении численности армии, и международный империализм ощетинивается сейчас во все стороны штыками, нас побуждая быть ежеминутно настороже.

Не было на последнем совещании принципиальных споров и вокруг вопросов о направлении политработы в армии:

Внимание участников последняго военного совещания сосредоточивалось, главным образом, на материально-бытовых сторонах жизни армии.

В связи с переходом армии на мирные квартиры и с сокращением ее численности, в условиях НЭП'а, морально-политическое единство армии подвергается тяжким испытаниям.

Армия пополняется молодежью, уже находящейся под воздействием новых экономических условий,—процесс дифференцировки, совершающейся в деревне, отражается и в крестьянских пополнениях; мещанская городская среда, пропитанная духом торговой спекуляции, дает нездоровые элементы.

Командный состав, в значительной своей части нетрудового происхождения, также испытывает идеологические и материальные соблазны НЭП'а и перед этим искушением далеко не всегда выдерживает.

А между тем, пролетарский стержень армии значительно ослаблен демобилизациями. Политический ее аппарат также расшатан; не получая свежих пополнений, он возвратил стране, на иные фронты, наиболее энергичных опытных работников; оставшиеся пропитаны в сильной мере демобилизационными настроениями. Общие же материальное положение постоянного состава армии остается настолько тяжелым, что усиливает вредные воздействия НЭП'а.

Отсюда вытекает ряд заданий — 1) по улучшению материального положения красной армии в целом, 2) по обеспечению социальной однородности ее состава и 3) по укреплению ее политического аппарата и его работы.

Красная армия, конечно, знает, что ее материальное положение в основном зависит от состояния народного хозяйства. По мере развития производительных сил страны, государство сможет улучшать положение красной армии.

Но необходимость в таком улучшении должна всегда быть на виду, должна неизменно нами ощущаться.

С другой стороны, мы должны серьезно озаботиться закреплением классово-однородного состава нашей армии. Совещание военных делегатов X-го съезда Советов выдвинуло вопрос о сохранении и серьезной постановке *„Тылового ополчения“* для буржуазных элементов призывного возраста или о замене „тылового ополчения“ крупным денежным налогом.

Исключительное внимание должно быть уделено подготовке командного состава.

Мы обладаем в настоящее время вполне развитою сетью военно-учебных заведений. Социальный состав их слушателей исключительно благоприятен — из них до 1/3 рабочих и до 60% крестьян.

В них подготовляется вполне надежная смена устарелому командному составу. Необходима лишь солидная постановка строевой и политической работы над этими будущими краскомами. Попутно должна вестись серьезная борьба со всеми уклонами в сторону былой сословно-кастовой военщины, и эта борьба должна вестись, прежде всего, путем расширения и углубления культурно-просветительной работы среди всей массы красноармейцев и в особенности среди комсостава армии.

На политический аппарат армии надо обратить серьезнейшее внимание. Сейчас, в связи с демобилизациями, процент коммунистов в частях упал вдвое и особенно уменьшилось число рядовых коммунистов.

Необходимо просмотреть состав политработников армии, произвести в нем освежающую замену; необходимо усилить низовую сеть политработников (в ротах, эскадронах); для чего может быть потребуется досрочная мобилизация части коммунистов призывного года, необходимо усиление политработы в казарме.

Задачи разносторонни, сложны, велики.

Но как никакая армия в мире, наша красная армия связана со своей страной. И вся страна рабочих и крестьян приходит в поддержку своей родной армии.

Крестьянские комитеты взаимопомощи начинают поддерживать инвалидов войны и семьи красноармейцев, дополняя помощь государства.

Хозяйственные органы, профессиональные и советские организации принимают братское „шефство" над отдельными частями армии, и громадную оказывают им материальную помощь и неизмеримую моральную поддержку.

Под общим руководством и воздействием партии, эта работа должна быть усилена, должным порядком направлена, и она не замедлит плодотворно сказаться на положении красной армии.

Вопрос о политической работе в нынешней армии стоит особенно серьезно. Лишь укрепив в ней партийное влияние, мы сможем укрепить в ней то единство, сверху донизу революционно-классовое, которое сделало нашу армию победоносной.

Тов. Фрунзе и другие правы, когда проявляют особенное беспокойство за эту товарищескую спайку, за этот революционный дух, которыми жива была до сих пор красная армия, и

которые сейчас находятся под растущей в новой обстановке угрозой.

Партия учтет эти опасности, партия оценит тревожную трудную обстановку, в которой живет наша армия. Партия примет все меры к тому, чтобы красная армия воспитывалась и крепла в духе основных заветов Пролетарской Революции.

И особенное внимание партия обратит на развитые института шефов.

Вся страна, которая так широко откликнулась на призыв „братания с армией“, вся страна этим сближением с армией в громадной степени будет содействовать преодолению в ней неизбежно накладываемых военно-казарменным воспитанием черт обособленности, корпоративной замкнутости.

Красная армия сохранится, как надежное оружие в руках пролетарской диктатуры.

Содержание.

стр.

КАТАЛОГ
издательства Главполитпросвета
„Красная Новь“.

По серии популярно-марксистской.

Вышли из печати:

Ауэрбах.—К. Маркс и профессиональные союзы.
Бебель А.—Будущее общество.
Бэр.—К. Маркс, его жизнь и учение.
Горнер К.—Социал-демократия и коммунизм.
Девиль Г.—Научный социализм.
Каутский.—Карл Маркс и его историческое значение.
„ —Классовые интересы.
„ —Республика и социализм во Франции.
Корш.—Сущность марксизма.
Ленин Н.—Карл Маркс (Краткий биографич. очерк с изложением марксизма).
„ —Государство и революция.
„ —Империализм, как новейший этап капитализма.
Луи Поль.—История социалистической партии во Франции.
Либкнехт В.—48 год и коммуна.
Маркс К.—Наемный труд и капитал (под ред. Каутского, перев. И. Степанова).
„ —Классовая борьба во Франции 1848—1850 г.
„ —Гражданская война во Франции.
Павлович.—Империализм.
Плеханов Г.—В Амстердаме.
Поль В.—Коммунизм и общество.
Энгельс Ф.—Политическое завещание (из неопубл. писем). I и II изд.
„ —Революция и контр-революция в Германии (перевод и предисловие И. Степанова).
„ —От утопии к науке.
Меринг.—Милиция и постоянное войско.

Находятся в печати:

Иекк.—Интернационал.
Каутский.—Происхождение христианства.
„ —Противоречия классовых интересов в 1789 г.
Меринг.—Об историческом материализме.
Энгельс.—Людвиг Фейербах.

Готовятся к печати:

Адоратский В.—Научный социализм.
Корш.—Сущность материалистического понимания истории.
Лафарг П.—Экономический детерминизм К. Маркса.
Люксембург Р.—Коалиционная политика и классовая борьба.
Маркс К.—Заработная плата, цена и прибыль.
„ —Критика Готской программы.
Постгейт.—Рабочий Интернационал.
Топорков.—Гегель и материализм.

По серии агитационно-пропагандистской.

Вышли из печати:

А. А.—Единый натуральный налог и скотоводство.

Антонов-Овсеенко.—Спешите на помощь умирающим от голода.

„ „ —Закрепим нашу победу!

Аржаной декрет.

Баратов.—Наша Красная Армия.

Быстрянский.—Борьба за богатства мира.

Вардин И.—Партия меньшевиков и русская революция.

„ —Политические партии в русской революции.

„ —Эсеровские убийцы и социал-демократические адвокаты.

Голод и церковные ценности.

Горев.—Откуда неурожаи и голодовки.

„ —Церковные богатства и голод в России.

Глонти Т.—Советская и меньшевистская Грузия.

Государство и единый натуральный налог.

Грандов.—Государство, труд-гуж-налог и крестьянство.

Дроздов.—Как царско-дворянское правительство обирало крестьян.

Зиновьев.—Единый рабочий фронт.

Ингулов.—Голод в цифрах. Вып. I и II.

„ —Голод и крестьянское хозяйство.

К Октябрю 1917—1922 г.—Материалы для агитаторов.

К процессу правых эсеров.—Тезисы для агитаторов.

Как проводить агиткампании в политпросвет учреждениях.—Сборник.

Красиков.—Кому помогают те, кто противится из'ятию церковных ценностей на хлеб для голодающих.

Ленин.—Международное и внутреннее положение РСФСР (доклад на IX Всерос. С'езде Советов).

Его же.—О значении золота теперь и после полной победы социализма.

Ливенский.—Продналог и голодающие районы.

Луначарский.—Кому принадлежит церковное имущество.

Лунин А.—О делах Тихоновских (Дело о сопротивлении из'ятию церковных ценностей в Московском Трибунале).

Майер.—Как сплавлять лес.

Материалы для агитаторов по вопросу об из'ятии церковных ценностей для голодающих.

Мещеряков В.—Партия эсеров, часть I и II.

Мещеряков Н.—На переломе (о русской эмиграции).

Моисеенко Н.—Единый натуральный налог и земля.

Наши очередные задачи в деревне.—Тезисы ЦК РКП.

Наука в Советской России.—Сборник к 4-х летию Октябр. Революции.

Обвинительные речи на процессе эсеров.—По стенограмме.

Покровский.—Противоречия т. Милюкова.

Покровский. — Что установил процесс так называемых „социалистов-революционеров“.

Попов Н.—Что должен знать каждый рабочий о процессе эсеров.

Приговор Верховного Револ. Трибунала над эсерами.

Процесс эсеров.—Речи защитников 2-й группы эсеров: Бухарина, Членова, Кона, Биценко, и речи подсудимых 2-й группы: Дашевского, Семенова, Коноплевой и др.

Радек.—Октябрьская революция и ее место в истории.
Раковский.—Кукуруза—наш спаситель.
Свидерский и Кочетов.—Закон об едином натуральном налоге.
Свиридович.—Готовься к сплаву!
Соков.—Льготы по единому налогу.
Стеклов.—Партия социалистов-революционеров.
Тимирязев А.—Наука в Сов. России за 5 лет.
Торопов.—Единый натуральный налог и специальные культуры.
„ —Единый натуральный налог и право замены.
Флеровский И.—Октябрьская революция и НЭП.
Шмераль.—Чехо-словаки и эсеры.

По серии анти-религиозной.

Вышли из печати:

Браун В.—Христианство и коммунизм.
Даенсон.—О Боге и чорте (памфлет).
Древс.—Миф о Христе.
Комсомольское рождество.—Сборник.
Обрезание и его социальное религиозное значение (по Лафаргу).
Сказание об Адаме и Еве (по Лафаргу).
Сказание о непорочном зачатии (по Лафаргу).
Степанов И.—„Мысли о религии“. I и II изд.
„ —О правой и неправой вере, об истинных и ложных богах.
„ —О таинстве святого причащения.
Ческис.—Людвиг Фейербах и его дело.
Фрумкина.—Долой раввинов.
Ярославский.—Как родятся боги.

Готовятся к печати:

Бебель А.—Христианство и социализм.

По серии „Капиталистический мир после войны“.

Вышли из печати:

Арслан.—Современная Турция (перев. с турецкого).
Гальперин.—Современная Бельгия.
Иоффе А.—Генуэзская конференция.
Варга Е.—Закат капитализма.
Иорданов.—Балканский вопрос после войны.
Лозовский А.—Анархо-синдикализм и коммунизм.
Майский.—Сов. Россия и капиталист. мир (Гаагская конференция).
Павлович М.—Советская Россия и империалистическая Япония.
Раковский.—Накануне Генуи.
Фостер.—Волны рабочей революции в Германии, Англии, Франции и Италии.
Шлихтер.—Наша соседка Финляндия.

Готовятся к печати:

Бронский.—$2^1/_2$ Интернационал.
Горкин.—Современная Италия.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Москва, Изд. «Красная Новь» при Главполитпросвете.

Торговый Сектор Издательства:

Москва, Милютинский пер., д. № 22, кв. 43. Тел. 1-54-87.

Экспедиция Издательства:

Сретенка, 8. Тел. 1-36-59.

Все издания имеются в книжном магазине «СЕРП и МОЛОТ», Театральная площадь, 2-й дом Советов, и во всех книжных магазинах г. Москвы.

